

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-178-225

ПЕРЕПИСКА В. Я. БРЮСОВА С Е. В. АНИЧКОВЫМ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

© Н. А. БОГОМОЛОВА)*

Давать какую бы то ни было синтетическую характеристику В. Я. Брюсову здесь было бы излишне. Е. В. Аничков также достаточно хорошо известен в истории русской науки и культуры, но все-таки было бы не лишне представить его хотя бы немногими общими словами.¹ Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) был историком литературы, фольклористом, критиком, приват-доцентом университета Св. Владимира, а затем Петербургского университета. Ученик Александра Н. Веселовского, он сделал себе имя штудиями в области фольклористики и истории западных литератур, но писал также и об общеэстетических проблемах, и о современной литературе, редактировал собрание сочинений Н. А. Добролюбова (1912–1913). Оказавшись после 1917 года в Югославии, он не только преподавал, но довольно систематически занимался собственно литературной деятельностью. Помимо материалов, опубликованных в названной выше белградской книге, он издал также роман «Язычница» (Париж, 1932). Но для нас сейчас актуальна его деятельность второй половины 1900-х — первой половины 1910-х годов, поскольку вся нам известная его переписка с Брюсовым укладывается в рамки 1906–1913 годов.

Вяч. Иванов писал о нем: «Интеллектуальный облик А <ничкова> характеризуется своеобразным совпадением общественных и теоретических интересов, придающим его многосторонности внутреннее единство и приводящим все его искания в тесную связь с жизнью».² Но, судя по всему, чтобы понять это внутреннее единство, надо было хорошо знать самого Аничкова, не ограничиваясь его статьями и книгами, даже перепиской с ним. Для Вяч. Иванова это было легко: с 1905 года они жили в одном городе, Аничков был завсегдаем «Башни», исполняя там на равных основаниях роли университетского профессора и вольного собеседника.

Видимо, первое известие о личности Аничкова Иванов получает от М. М. Замятниной в начале 1903 года.³ Трудно себе представить, чтобы он не слышал о нем в том же 1903 году, когда читал лекции в парижской Высшей школе социальных наук, — Аничков был одним из ее первых энтузиастов. Первое известное нам упоминание о его визите на «Башню» относится к 13 октября 1905 года, причем в дневнике А. М. Ре-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00106 «Валерий Брюсов — издатель сочинений Пушкина».

От Редакции. Эта публикация — одна из последних работ исследователя, который не успел довести ее до окончательного вида. Некоторые необходимые коррективы и дополнения внесены в текст в ходе редакционной подготовки. Мы осознаем, что сам Николай Алексеевич Богомолов, скорее всего, в гораздо большей степени расширил бы свой комментарий. Однако считаем, что в рамках академических конвенций допустимо сделать лишь самое необходимое, не нарушая авторской воли.

¹ Наиболее полная его характеристика содержится в энциклопедической статье Р. Д. Тименчика (Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 77–78) и в более ранней статье Вяч. Иванова, предназначенной для словаря Брокгауза и Ефрона, но вошедшей в него в сокращенном виде (полный текст см.: Неосуществленный замысел Вяч. Иванова / Публ. М. Д. Эльзона // Русская литература. 1993. № 2. С. 193–195). Ряд выразительных подробностей см. в биографической статье о его сыне: Лихачев Д. С., Зилитинкевич С. С., Недеялков В. П. И. Е. Аничков: Биографический очерк // Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997. С. 5–11. О жизни Аничкова в Югославии см.: Аничков Е. Пьесы. Рассказы. Статьи / Подг. текста и общ. ред. К. Ичин. Белград, 2017. См. также: Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 12–35.

² Неосуществленный замысел Вяч. Иванова. С. 194.

³ Она присутствовала на его докладе в философском обществе. См.: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 36.

мизова значит: «Коновод Аничков».⁴ 18 января состоялась примечательная среда у Ивановых, где отчетливо выявилась двойственная природа личности и внешнего поведения Аничкова. Напомним, что в этот день обсуждалась тема «Религия и мистика», и на этой беседе «Аничков председательствовал фельетонно хлестко и фельетонно элегантно», но далеко не всех это председательствование устраивало, начался бунт, т. е. «параллельное, но поэтическое заседание». При этом председатель (А. М. Ремизов) мог только кричать «Тише!», а внешним выражением иной природы заседания было то, что все располагались на полу. «Начали читать поэты. Их было много, и они все прибывали, ибо делегаты от нас несколько раз ходили к ним „снимать“. Читали из больших: Сологуб, Блок, Брюсов и молодые. Тем временем там ораторы мистики и метафизики остались без слушателей и, возразив каждому самому себе, освободили председателя и себя и с восторгом присоединились к нам в наше полусветлое убежище с аркой-окном. Аничков тоже сел на пол... Когда он уходил, я подошла и сказала: „Ну что, Евг<ений> Вас<ильевич>! Не ожидали?“ — „Чего?“ — „Что сядете на пол...“ — „Нет, отчего, это ужасно весело!“ Да, было „ужасно“ весело и поэтически».⁵

Именно там, скорее всего, пересеклись впервые Брюсов и Аничков, но реальные последствия этого знакомства начались после следующей встречи, 3 ноября 1906 года, также в Петербурге, у Ю. Н. Верховского. После этого Аничков прочел лекцию в московском Литературно-художественном кружке, они с Брюсовым обменялись книгами, и должно было начаться основательное сотрудничество — как на почве публикаций в «Весах», куда Брюсов заказал Аничкову статьи, так и в работе над неким трудом по литературе XIX века, для которого Брюсов взялся писать статью. К сожалению, об этом коллективном труде известно очень мало (подробнее см. прим. 5 к п. 4), но очевидно, что он не состоялся. Рухнули надежды и на сотрудничество Аничкова в «Весах», чего он, судя по тону, очень хотел. Брюсова явно не устроила его большая статья о книге Куприна, очень затянута и лишена остроты, требовавшейся журналу. Как признался сам Аничков, «я усвоил себе эту манеру критики-похвалы и критических статей отрицательных я не умею писать и даже только один раз и сделал это».

Прямым следствием разговора у Верховского было то, что имя Аничкова появилось среди сотрудников журнала в декабрьском номере за 1906 год,⁶ но присутствовало лишь до № 7 за 1907 год. Мало того, в девятом номере 1907 года А. А. Курсинский напечатал рецензию на второе издание рассказов Куприна с эпиграфом из Аничкова — и рецензию уничтожающую, полностью зачеркивающую отзыв предшественника, хотя имя его прозвучало только в эпиграфе.⁷ Со свойственной ему прямотой это сделал Эллис, назвавший статью Аничкова в «Книге о новом театре» — «пустословием».⁸ Брюсов никак не откликнулся на просьбы отрецензировать книги Аничкова. Очевидно, хладнокровная академичность и примиренность со всеми явлениями современной литературы были для «Весов» и для Брюсова, в частности, неприемлемы. И на три года переписка прервалась.

Поводом для ее возобновления послужила работа, порученная Аничкову издательством «Деятель», явно имевшим немецкие корни. Это означало приличные деньги, отличную полиграфию, нацеленность на активную деятельность, стремление к научности выпускаемых книг, что не могло не быть симпатичным. Но вместе с тем они требовали строгой дисциплины, к которой даже такие вроде бы пунктуальные русские литераторы, как Брюсов, не были привычны. Аничкову выпала незавидная роль посредника в этих отношениях. Вдобавок он, видимо, не очень осознавал, что стремящихся работать над относительно современной литературой среди академических ученых вообще чрезвычайно мало, а люди «свободных профессий», т. е. журналисты,

⁴ Ремизов А. М. Кукха. Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 24 (сер. «Литературные памятники»).

⁵ Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 154.

⁶ См.: [Б. п.]. К читателям // Весы. 1906. № 12. С. VI.

⁷ См.: Курсинский А. <Рец. на:> А. Куприн. Рассказы. Том I, изд. 3-е. — Том III, изд. 2-е. К-во «Мир Божий». Спб. 1907 // Там же. 1907. № 9. С. 64–66.

⁸ Эллис. Что такое театр? // Там же. 1908. № 4. С. 87.

писатели, литературные критики, к такой работе чаще всего не приспособлены. Оказавшаяся на его попечении «Библиотека русских классиков» с большим трудом набирала желающих участвовать (скажем, не состоялось издание Шевченко, предложенное К. И. Чуковскому), ему даже пришлось самому готовить собрание сочинений Н. А. Добролюбова, хотя как будто он никак не входил в сферу его интересов.

Подготовка нового собрания сочинений Пушкина была предложена Брюсову, который к 1910 году уже был известен как опытный критик академического издания,⁹ что предполагало внутреннюю готовность взяться за аналогичную работу самостоятельно. Его имя фигурировало в слухах, носившихся вокруг продолжения академического издания. Поэт уже дал согласие готовить собрание сочинений Пушкина (вместе с Н. О. Лернером) в «Академической библиотеке русских писателей», но там дело не слишком заладилось, бюрократические препоны как со стороны Академии (да вряд ли Брюсов не знал, что августейший ее президент, поэт К. Р., не выносит его творчества), так и властного над нею министерства были слишком труднопреодолимы, а тут Аничков поманил полной властью, скорыми деньгами и всяческим содействием. Брюсов даже без особых сожалений отказался от сотрудничества с Лернером, когда тот обиделся на слово «помощник», употребленное Брюсовым, и решил, что ему предлагают роль подсобного рабочего.

Однако довольно скоро выяснилось, что для подготовки полного собрания сочинений Пушкина (да, вероятно, и любого другого классика русской литературы) мало просто замечаний и взгляда извне. Даже задача разделения будущего труда на отдельные томы представила для Брюсова серьезную проблему. Он не был готов дать синтетическую статью о жизни и творчестве Пушкина на таком уровне, какой был потребен для предложенного ему издания. Только к концу всего предприятия он решился на какой-то орфографический режим, что привело к необходимости переверстки уже готовых частей. Полиграфия роскошных изданий «Деятеля» вовсе не предполагалась в относительно дешевых книгах для среднего читателя. Впрочем, обо всем этом читатель узнает сам из публикуемых далее писем.

Но их интерес не только в описании сложностей прохождения предварительных процедур, но прежде всего в том, что они дают отчетливое представление о состоянии пушкинистики, а вместе с тем, конечно, и всего филологического арсенала русской науки о литературе в начале XX века. Если в таких областях, как компаративистика, история древнерусской литературы, фольклор, отдельные аспекты функционирования языка в литературе, русские филологи продвинулись весьма значительно, то литература XVIII–XIX веков была отдана на откуп историкам, библиографам (к которым такую неприязнь испытывал Щедрин), критикам, просто более или менее талантливым литераторам. Именно этим был вызван кризис с продвижением первого академического издания Пушкина: ни отдельные авторы (как Л. Н. Майков), ни коллективные усилия не приносили сколько-нибудь значительного успеха, а наоборот — вызывали упреки тех, кто брал на себя труд внимательно прочитать эти солидные тома. Даже знаменитое венгерское издание вызывало интерес статьями и комментариями, но отнюдь не текстологией.

Брюсов явно рассчитывал на то, что солидные знания в сфере пушкинистики, дополненные его поэтической интуицией, приведут к успеху. Но в конце концов стало ясно, что этого мало, как мало и других попыток поработать над Пушкиным среди прочих занятий, от которых он не мог и не хотел отказываться. Необходим был приход совершенно новых людей, готовых подойти к предмету с иных позиций. С наглядной очевидностью это показал опыт работы над «Гавриилиадой».

Брюсов много лет мечтал напечатать эту поэму, собирал варианты текстов, самые незначительные сведения, кое-что писал. Но когда среди первых плодов свободы печати появилось подготовленное им издание, выяснилось, что оно далеко от идеала. А. Б. В. Томашевский всего через четыре года, причем по крайней мере два из них были

⁹ См.: Брюсов В. Академический Пушкин («Сочинения Пушкина». Издание Императорской Академии наук. Переписка. Под ред. В. И. Саитова. Т. I (1815–1826). Спб. 1906 г.) // Там же. 1907. № 1. С. 74–75.

заняты у ученого другой деятельностью, в 1922 году представил книгу совсем иного уровня, уже сравнимого с лучшими образцами пушкинской текстологии. Но об этом должен быть отдельный разговор.

Переписка же Брюсова с Аничковым 1910–1913 годов наглядно демонстрирует, как путем проб и ошибок научное сообщество пыталось осознанно выработать алгоритмы для преодоления тех трудностей, с которыми неизбежно пришлось бы столкнуться всякому, решившемуся на подобную попытку.

3 декабря 1910 года Брюсов писал Аничкову: «...возможность дать Пушкина совершенно по своему <...> плану настолько заманчива, что я готов на риск большой ответственности и перед издателями и перед обществом (что для меня важнее и страшнее), и на тяготу большой работы, необходимой для того, чтобы томы поспевали вовремя и чтобы все издание было закончено в сравнительно небольшой срок». Брюсов с 1910-го по 1913 год занимался биографией и текстологией Пушкина, предполагая отразить результаты своей работы в новом собрании сочинений поэта, инициированном «Деятелем», однако издание не состоялось.¹⁰ Подготовленные для него материалы были использованы Брюсовым уже после Октябрьской революции, когда он выпустил первую часть первого тома Полного собрания сочинений Пушкина.¹¹

Письма Брюсова к Аничкову хранятся в ИРЛИ (Ф. Р-1. Оп. 2. Ед. хр. 115; Ф. 123. Ед. хр. 2 (20 писем, 1906–1913)), в РГАЛИ (Ф. 1008. Оп. 1. Ед. хр. 3) и в составе коллекции Ю. Г. Оксмана (5 писем, 1906–1910) и в РГБ (Ф. 386. Карт. 69. Ед. хр. 21 (одно письмо, 1913)). Большая часть их связана с изданием Пушкина. Печатаемые здесь письма 1, 3 и 4 — автографы, письмо 2 — машинопись (все из ИРЛИ). В архиве Брюсова (РГБ. Ф. 386. Карт. 74. Ед. хр. 39) сохранилось также 26 писем Аничкова к нему (1906–1910); одно письмо (1910) — в ИРЛИ (Ф. 444. Ед. хр. 49).

1

Аничков — Брюсову

<13 или 14 ноября 1906 года; Москва>

Сегодня _____ дня 190 ____ года
№ 501

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич

Вот прибыл с намерением читать реферат.¹ Надеюсь, Вы получили мою телеграмму² и мое появление для Вас не неожиданность.

По разным причинам хотелось переговорить с Вами. М<ожет> б<ыть>, откуда-нибудь поговорим по телефону.

Сию в своем номере и готовлюсь удивить Москву петербургскими парадоксами.
Ваш

Е. Аничков

Бумага гостиницы «Метрополь». Конверт «Метрополя». Адрес — на Цветной бульвар (без штемпелей).

¹ Аничков приехал прочитать в Литературно-художественном кружке лекцию «Эстетические обоснования общественности» (в другом варианте значится — «Эстетическое обоснование искусства»). См. о ней прим. 2 к п. 2.

² Телеграмма неизвестна.

¹⁰ В газетной хронике сообщалось, что предполагавшееся фирмой «Деятель» новое издание сочинений А. С. Пушкина под редакцией В. Я. Брюсова и сочинений М. Ю. Лермонтова под ред. Н. О. Лернера осуществлено не будет (Русские ведомости. 1913. 13 сент. № 210).

¹¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. со сводом вариантов и объяснительными примечаниями / Ред., вступ. статья и комм. В. Я. Брюсова. М., 1920. Т. 1. Ч. 1. О пушкиноведческих работах Брюсова см.: *Литвин Э. С.* В. Я. Брюсов о Пушкине // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964. С. 203–217.

2

Брюсов — Аничкову

<14 ноября 1906 года; Москва>

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

К большому моему сожалению я должен *сейчас* ехать по одному неотложному делу. Но мне тоже хотелось бы повидаться с Вами «частным образом». Не посетите ли Вы «Скорпион»? Ведь это в одном доме с Вами.¹ Я буду там на полчаса около 3½ и надолго вечером, перед Кружком. Вторник — приемный день в «Весах». Ваша лекция начинается в 9 веч.,² а от 7 до 9 Вы могли бы провести в редакции «Весов», сотрудником коих Вы не отказываетесь быть.

Сердечно уважающий

Валерий Брюсов

14 ноября 1906.

На русской бумаге «Скорпиона» и «Весов».

¹ Редакция «Весов» помещалась в одной из квартир, находившихся в здании гостиницы «Метрополь».

² О лекции см. в кратких отчетах: «Сообщение это, явившееся как бы прямым ответом на возникший в последнее время опять вопрос, имеет ли общественное применение искусство, как равно имеет ли общественное значение эстетическое сознание, очень заинтересовало собравшуюся многочисленную публику. По окончании сообщения были довольно оживленные прения» (Русские ведомости. 1906. 15 нояб. № 279. С. 4); «Референт пытался представить яркую картину двух начал человеческой души — этики и эстетики, — борьбы, особенно обострившейся теперь среди интеллигентных слоев, теперь, когда все силы общественности достигли наибольшего напряжения» (Новости дня и вечера. 1906. 15 нояб. № 30. С. 3). Сохранилось также краткое описание, сделанное самим Брюсовым: «Аничков приехал вовремя и читал благопристойно. Он доказывал, что эстетика одно, а политика другое. Отвечал ему Гриф, сказал, что вполне присоединяется к глубокому мнению докладчика, что он подобно ему радуется, что наконец наши декаденты поняли, что эстетика и политика одно и то же и что вообще должно подписываться на „Перевал“» (Переписка В. Я. Брюсова и К. И. Чуковского / Вступ. заметка, публ. и комм. А. В. Лаврова // Контекст: Историко-литературные и теоретические исследования 2008. М., 2009. С. 307 (письмо Чуковскому от 15 ноября 1906 года)). Гриф — прозвище поэта и журналиста Сергея Алексеевича Соколова (1878–1936), владельца издательства «Гриф» и издателя одноименного альманаха. «Перевал» — журнал, издававшийся им в это время.

3

Брюсов — Аничкову

8 дек<абря> 1906 <года; Москва>

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Я очень виноват перед Вами, что так поздно доставляю Вам обещанные книги, которые мне самому очень хочется видеть в Ваших руках. Но на другой день после того, как Вы посетили меня, я был у Вас в гостинице утром, так как Вы говорили мне, что уезжаете из Москвы лишь в 4 ч.; Вас однако уже не было в Москве. Итак, первый виноватый — Ваш отъезд, но второй, конечно, я, в чем и каюсь.

Читаю с большим интересом Вашу диссертацию, за которую благодарю. Вы знаете, что я очень и очень не чужд этим книгам, и поверите мне.¹ Многие примеры, приводимые Вами, поразительно хороши. Например, я совсем обольщен песней «Кабы знала я, ведала».² Это в сто раз лучше, чем вся «Жар-птица» Бальмонта, посвященная, как известно, подражанию русским народным песням.³

Надеюсь, Вы не забыли Вашего обещания написать для «Весов» о Куприне и о театре Коммиссаржевской.⁴ Книжки Куприна, по лености, все еще не прочел, но прочту.

Сердечно уважающий

Валерий Брюсов

На русской бумаге «Скорпиона» и «Весов».

¹ Речь идет о книге Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (В 2 ч. СПб., 1903, 1905). Ср.: «Е. В. Аничков на титульном листе своей книги „Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян“, ч. II (СПб., 1904) надписывает: „Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову, победоносцу во всех современных Corti d'amore от искателя первооснов“» (*Пуришева В.* Библиотека Валерия Брюсова // Лит. наследство. 1937. Т. 27/28. С. 669).

² Названная Брюсовым песня цитируется во второй части сочинения Аничкова (с. 57).

³ Книга К. Д. Бальмонта «Жар-птица. Свирель славянина» вышла в издательстве «Скорпион» с пометой «1907». Рецензия на нее Брюсова была опубликована в «Весах» (1907. № 10. С. 45–51).

⁴ Разбор третьего тома рассказов Куприна был обещан журналом еще в декабрьском номере: «Редакция „Весов“ извиняется перед читателями, что не успела дать, по разным причинам, в текущем году подробных разборов нескольких выдающихся книг, появившихся за последнее время, каковы: В. Розанов — „У церковных стен“; Д. Мережковский — „Христос и Антихрист“, Трилогия (3-е издание); К. Бальмонт — „Злые Чары“; И. Бунин — Стихотворения, Т. III; Б. Зайцев, Рассказы; А. Куприн, Рассказы т. III; E. Verhaeren „La Multiple Splendeur“, и т. под. Оценка этих книг будет сделана в первых №№ „Весов“ 1907 года» (Весы. 1906. № 12. С. 72). Очевидно, именно в связи с этим Брюсов и просил Аничкова о рецензии. Подробнее о ней см. следующее письмо. Вторая статья напечатана не была.

4

Аничков — Брюсову

<середина декабря 1906 года; Петербург>

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич

Такое большое спасибо Вам за книги и письмо.

Мне и то дорого, что Вы прочтете мои «Весенние песни», но больше того, что они возбудили в Вас интерес к народному песнетворчеству. Ведь для поэзии народное творчество, словно для пейзажистов природа. Да и вообще — такая же, какая абсолютная красота, как цветы, волны, водопад, лунный свет. Это какое-то высшее достижение через соборность. Шиллер называл это наивным искусством и приравнивал его совершенству одного Гёте.¹

Песня, песня, песня! Купите себе Соболевского. Только глупо издано: по сюжетам. Оттого трудно распознаться. Я люблю еще песенники, напр<имер>, Римского-Корсакова с нотами.²

Сегодня послал на «Весы» статью о Куприне.³ Долго писал. Даже обнищал. Все боялся Вашего академизма. М<ожет> б<ыть>, Вы скажете слишком хвалебно, но по моему это ничего. Главный недостаток — статья писана для Вас и для самого Куприна. Но кому не <так!> читал говорят — хорошо!

На днях пошлю о Мейерхольде.⁴

Не забыли ли Вы, что обещали мне статью о Мережковском (исчерпывающую в 1½ листа по 35000 и 100 р. за лист). Еще хочу Вас просить: вот что. Не напишете ли не более листа главу «Возрождение Фета и Тютчева». Надо в связи с поэзией 80-х и 90 годов. Надо 1) что есть Фет и Тютчев для нас? 2) что дал он <?> Вам творцам новой поэзии.⁵

Не откажетесь? Нет? Ну спасибо.

Сообщите в «Весах» два слова о моей книге. Не клянчу. Считаю, что заслужил. Ну и удовольствие мне доставите большое.⁶ Мой «Социализм и искусство» и мои «Образы и мнения» ведь Вы замолчали.⁷

Сердечно жму Вашу руку.

Е. Аничков.

Бумага с адресом: Вас. Остр. 13-ая линия д. 18 Кв. 3. На Цветной бульвар 24.
Штемпель: Москва 07.12.06.

¹ Аничков ссылается на статью Ф. Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795).

² Имеются в виду издания: Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895–1902. Т. I–VII; Сборник русских народных песен, составленный Н. А. Римским-Корсаковым. СПб., [б. г.].

³ Речь идет о статье: Аничков Е. Allez! (<Рец. на:> Куприн А. <Соч.> Том III. СПб., 1907 // Весы. 1907. № 2. С. 69–73). Других статей Аничкова в «Весах» не было.

⁴ В. Э. Мейерхольд стал режиссером театра В. Ф. Комиссаржевской в августе 1906 года, к этому времени труппа под его руководством сыграла «Гедду Габлер» и «Нору» Г. Ибсена, «В городе» С. Юшкевича, «Сестру Беатрису» М. Метерлинка, «Вечную сказку» Ст. Пшибышевского. Знаменитый «Балаганчик» по пьесе Блока был представлен публике лишь 30 декабря. 16 декабря М. Кузмин писал в дневнике: «Всеволод Эм<ильевич Мейерхольд> ужасно мрачен, говорит, что никому не нужен, что все его бранят; в „Весах“ напишут Волошин и Аничков, в „Перевале“ Блок — значит, люди сочувствующие, в „Руне“ заругается Дымов, к счастью, слишком пошло, чтоб иметь значение» (Кузмин М. Дневник 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 286). Волошин предлагал статью о театре Комиссаржевской Брюсову (Лит. наследство. 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 367), однако в конце концов ни он, ни Аничков статей о Мейерхольде не написали.

⁵ Нам неизвестно, для какого издания Аничков предлагал Брюсову написать такие статьи. Приведем немногие сведения, которые до нас дошли. 4 сентября 1906 года А. А. Блок писал матери: «Я сейчас говорил с Аничковым (в университете), он заказывает мне несколько статей в „Историю литературы“ под его редакцией (и Бороздина) — о Некрасове и о любовной литературе. Завтра я буду у него (на В. О.) в 12 часов...» (Блок А. Письма к родным / С предисловием и прим. М. А. Бекетовой. Л., 1927. [Т. I]. С. 155). В 1908 году вышла двухтомная «История русской литературы», где Аничков был одним из редакторов, но она охватывала лишь литературу древнерусскую. Схожая по типу «История русской литературы XIX века» была издана под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского, но ни Аничков, ни Брюсов в ней не участвовали. Некоторое продолжение этого сюжета находим в письмах конца 1910 года. Блок пишет матери 16 ноября: «...я возьму, вероятно, редакцию полн. собр. Жуковского; это — серьезная историко-литературная работа, очень хорошо оплачиваемая (30 р. с листа), т. е., для Жуковского — несколько тысяч. <...> Кроме того, Аничков просит написать статью для ист<ории> литерат<уры> — о поэтах 80-х годов» (Там же. Т. II. С. 98). Вероятно, к тому же замыслу относится и недатированное письмо Аничкова к Чуковскому: «Что бы Вы мне сказали, если бы я попросил Вас написать для моей „Современной русской литер<атуры>“ главу „Поэты-продолжатели“ — 35 000 букв. Это поэты 80-х годов: Надсон, П. Я., Фофанов, Апухтин, Фруг и все проч<ие>, какие окажутся сюда относящимися. Вы будете писать смежно с Вяч. Ивановым, взявшим на себя „Поэты-отшельники“: Вл. Соловьев, Случевский и влияние Фета и Тютчева. Мне нужна статья очень скоро. Обращаюсь к Вам так поздно, потому что поводил меня за кончик <?> носа А. Блок» (Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 47; сверено с оригиналом: РГБ. Ф. 620. Карт. 60. Л. 36; 3–3 об.). Однако и этот проект не был реализован.

⁶ Отзыва о «Весенней обрядовой песне» в «Весах» не было.

⁷ Имеются в виду брошюра «Искусство и социалистический строй» (СПб., 1906) и книга «Литературные образы и мнения. 1903» (СПб., 1904), где была специальная глава «Поэты „Скорпиона“».

5

Брюсов — Аничкову

23 янв<аря> 1907 <года> Москва>

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Очень прошу извинить меня, что до сих пор я еще не отвечал на присылку Вашей заметки о Куприне. Но у нас было столько работы с январским № «Весов»,¹ что решительно не было возможности заняться просмотром материалов, предназначенных для № февральского. Теперь, наконец, я прочел как Вашу статью, так и III том Рассказов Куприна. Разумеется, во всем главнейшем я с Вами не согласен и, хотя и беру назад свои неосмотрительные слова в «Весах»,² — Ваших надежд отнюдь не разделяю. Однако различие во взглядах — редакции и сотрудника — никогда не мешало нам печатать те статьи, которые казались нам интересными. Вашей статье, конечно, совершенно уместно появиться на страницах «Весов». Останавливают нас только ее размеры. Пом-

нится, Вы говорили мне, когда мы были у Ю. Верховского,³ что, применяясь к сжатой манере изложения, усвоенной «Весами», Вы постараетесь писать кратко. Между тем в Вашей заметке 19 мелко исписанных листков, что составит около печатного листа (стр. 13–14) «Весов».⁴ Уделить столько места для разбора *одной книги*, вовсе не составляющей события в литературе, мы решительно не можем. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой о позволении сократить Вашу статью, обещаясь Вам, что при этом все ваши мысли и весь последовательный ход их я сумею сохранить. Конечно, если Вы предпочитаете сделать сокращения сами, рукопись может быть Вам выслана.

О «Весенней обрядовой песне» я просил написать для «Весов» Ю. Н. Верховского, который обладает некоторыми познаниями в той области, где Вы производите Ваши расследования.

Если Вы ничего не имеете против того, чтобы рецензию писал именно он, не откажитесь доставить ему экз<емпляр> Вашей книги, так как у него ее нет.⁵

Надеюсь, что «Земную Ось» Вы получили в свое время.⁶

Сердечно уважающий
Валерий Брюсов.

Русская бумага «Скорпиона» и «Весов». Помета (не рукой Брюсова): Аничкову.

¹ В первом номере «Весов» начинал печататься «Огненный ангел» Брюсова, кроме того, там были помещены такие острые и иногда цензурно опасные вещи, как «Veneris figurae» Вяч. Иванова, «Художник оскорбителям» Андрея Белого, «Без мира» З. Гиппиус. Помимо романа, сам Брюсов печатал еще стихи, большúю статью «Новые сборники стихов» и рецензию «Академический Пушкин», заметку «Неизданные стихи А. С. Пушкина».

² Вероятно, имеются в виду слова Брюсова, завершающие рецензию на «Стихотворения» К. Д. Бальмонта (СПб., 1906): «В заключение несколько слов к товариществу „Знание“. Что Бальмонт способен писать плохие стихи, мы это, к сожалению, знаем <...> Но стыд книгоиздательству, которое обнаруживает такое отсутствие вкуса, что собирает в отдельной книжке все самое худшее, все самое недостойное из творчества Бальмонта. В грудях жемчуга и алмазов выбрать зерна грязи и выставить их как драгоценность, — это, конечно, настоящее дело для поощрителей гг. Куприных, Серафимовичей, Юшкевичей, Гусевых-Оренбургских и прочих всероссийских бездарностей» (Весы. 1906. № 9. С. 55).

³ 3 ноября 1906 года Кузмин записал в дневнике: «У Верховского были Блок, Иванов, Аничков и не уехавший еще Брюсов. Читали стихи» (Кузмин М. Дневник 1905–1907. С. 255).

⁴ В итоге рецензия Аничкова заняла всего 5 страниц журнала.

⁵ Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) был, как и Аничков, учеником Александра Веселовского. Однако рецензии на книгу он не написал.

⁶ Вероятно, сборник рассказов и драматических сцен «Земная ось» (М., 1907) имеется в виду в начале п. 4.

6 Аничков — Брюсову

<28 (?) января 1907 года; Петербург>

Вас. Остр.

13-ая линия д. 18, кв. 3.

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Я чувствовал, что не будете вполне удовлетворены моей статьей о Куприне, хотя мне кажется, что объяснение мое, почему у Куприна нет стиля, Вы могли бы принять.

Может быть, я и перехвалил. Я усвоил себе эту манеру критики-похвалы и критических статей отрицательных я не умею писать и даже только один раз и сделал это.

На сокращения иду. Пусть у Вас сократят. Надеюсь, что за толковость этой процедуры говорит серьезность и добросовестность «Весов». Самому мне было бы жаль это делать.

Я попрошу Вас прислать мне оригинал целиком. Он потом будет напечатан в отдельной книжке моих статей.

Хотел бы увидеть корректуру.

Насчет «Весенних песен» я предпочел бы, чтобы о них написал Ремизов. Он хорошо знает мою книгу. Сегодня он у меня обедает, и я <с> ним переговорю.¹

Ваш

Е. Аничков.

Адрес: Его высокоблагородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Москва. Театральная площадь д. Метрополь 23 «Скорпион». Петербургский штемпель неразборчив, московский — 30.1.07.

¹ Ремизов рецензию на исследование Аничкова не опубликовал.

7

Аничков — Брюсову

<около 10 октября 1910 года; Петербург>

СПб.

Вас. Остр. бая линия 39

Евг. Вас. Аничков

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич.

Явился спрос еще на одно полное собрание соч<инений> Пушкина.¹ Его хотела бы выпустить одна очень большая фирма.² Я прежде всего подумал о Вас и о Лернере.³ Если не ошибаюсь, Вы в хороших с ним отношениях. Не захотели ли бы Вы взять на себя вместе с ним редактирование издания? Условия, на мой взгляд, выгодные (около 30 р. за лист в 30.000 <нрзб.>).

Предлагаю редакцию вместе с Лернером

1) потому что крайне желательно использовать его как пушкиньянца, а

2) потому что есть одно неудобство — спешка. Фирма хотела бы начать набирать с января и выпустить очень скоро. При подготовленности ранних сочинений Пушкина в обоих больших изданиях (академическое и Венгерова) это, мне кажется, можно сделать.

Издание предполагается — для публики, т. е. просто хорошее издание с аппаратом (биографическим), фил<ологическим> и критическим), но с *установленным* текстом, причем может быть оговорено, чей текст берется в основу.

Если принципиально Вам улыбается взять на себя эту работу, сообщите. Тогда отпишу все подробности и объясню, почему предложение идет через меня. Пока сообщу то, что дело Вы будете иметь (кроме полочки гонорара) только со мной.

Лернеру до получения Вашего письма не буду писать.

Сердечно Ваш

Е. Аничков

Автограф.

¹ В это время издавалось академическое собрание сочинений (в 1899 и 1900 годах вышел первый том, в 1905-м — второй; третий появился лишь в 1912-м) и так называемый «венгеровский Пушкин» — шеститомное издание в серии «Библиотека великих писателей» издательского общества Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон под редакцией С. А. Венгерова. В 1907–1910 годах вышло четыре тома этого издания, отличавшегося роскошным оформлением и привлекавшего лучших пушкинистов России, в том числе Брюсова; оставшиеся два тома — в 1911 и 1915 годах. Еще об одном издании, к которому Брюсов и Н. О. Лернер имели самое прямое отношение, см. далее.

² Речь идет о «Русском книжном товариществе „Деятель“», о котором, к сожалению, нам не удалось найти сколько-нибудь обработанных данных. Судя по всему, оно специализировалось на выпуске роскошных многотомных изданий, таких как «Полное собрание законов Российской империи», «Русская энциклопедия», «Жизнь животных» А. Э. Брэма. О конкретных планах, к которым должен был быть привлечен Брюсов, см. далее.

³ Николай Осипович Лернер (1877–1934), один из крупнейших пушкинистов первой трети XX века. Подробнее о нем и его отношениях с Брюсовым см.: Валерий Брюсов — историк литературы: Переписка с П. И. Бартевым и Н. О. Лернером / Изд. подг. Н. А. Богомолов и А. В. Лавров. М., 2019.

8

Аничков — Брюсову

<12 октября 1910 года; Петербург>

СПб. Вас. Остр. 6-ая линия 39.

Тел. 549.41.

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Вы вероятно получили мое письмо с предложением взять на себя вместе с Лернером новое издание Пушкина.¹

Мне кажется, что я недостаточно ясно изложил, в чем тут дело, и — что главное — ничего не сказал об отношении издательства, в котором я состою главным редактором, к изданиям Академии по отд<елению> из<ящной> слов<есности>.

Является как будто конкуренция, потому что и мы и Ак<адемия> по отд<елению> из<ящной> слов<есности> предполагают выпускать сочинения русских классиков. Однако я говорил и с Н. А. Котляревским и с А. А. Шахматовым,² и они оба одобрили то, что я взял в свои руки это дело. В конце концов важно ведь то, что выходят хорошие издания, а вовсе не кто собственно их издает. У меня несомненно будут т<аким> обр<азом> те же сотрудники, что и в изд<аниях> Ак<адемии> по отд<елению> из<ящной> слов<есности>, и мы размежемся.

Теперь о Пушкине. Академическое (популярное) издание Пушкина еще вовсе не решено.³ Идут хлопоты в Министерстве.⁴ Если оно состоится, то редакция будет коллегиальная, и едва ли не во главе — С. А. Венгеров.⁵ Они (т. е. это говорил Н. А. Котляревский) имеют в виду тоже пригласить и Вас и Лернера. Но ведь мне кажется интереснее иметь все дело в своих руках. Наше издание было бы Вашим, причем мне казалось бы, что дело может обстоять так. Вступительный очерк и предисловия, а также текст, насколько Вы того пожелаете — Вы, Лернер — биографический материал, текст, примечания. Наше издание должно быть *хорошее издание для широкой публики* без перегруза комментарием, как у Венгерова, и без восстановления правописания и т. п., как в большом Ак<адемическом> изд<ании>. Мне кажется, что Вы не можете не сочувствовать появлению хорошего изд<ания> Пушкина, как Вы его понимаете.

Если же Вы не хотели бы взять на себя этой большой работы (Дело идет о гонораре приibl<изительно> в 8000, который Вы бы разделили с Лернером), может быть, Вы взяли бы на себя вступительный очерк и отд<ельные> вступ<ительные> статьи. Тогда я бы скомбинировал соответственно редактирование, т. е. текст взял бы на себя вместе с биографией Лернер, м<ожет> б<ыть>, еще Щеголев, вопрос о стихосложении Андрей Белый и т. д. Словом, можно скомбинировать всячески, т<ак> к<ак> у нас в распоряжении значительные средства, и дело в моих единоличных руках, т. е. чело века, гораздо более близкого к Вам по взглядам, чем Вы, м<ожет> б<ыть>, думаете. В моей же хорошей филологической выучке в смысле метода Вы едва ли имеете основание сомневаться.⁶

Итак, очень прошу Вас ответить мне в принципе, да или нет. Мне хотелось бы прежде всего иметь ответ именно от Вас, чтобы соответственно действовать дальше. Вашему участию я придаю самое коренное значение. Повторяю, ответьте в принципе, остальное оговорим потом.

Жена⁷ просит передать Вам привет.

Преданный Вам

Е. Аничков.

Штемпель: Петербург 12.10.10; Москва 13.10.10. Частично опубл.: Валерий Брюсов — историк литературы. С. 350.

¹ Имеется в виду п. 7.

² Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) — академик, директор Пушкинского Дома, член комиссии по изданию сочинений Пушкина при II отделении Академии наук. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) — академик, с 1906 — председательствующий в Отделении русского языка и словесности Академии наук.

³ Речь идет об издании собрания сочинений Пушкина в серии «Академическая библиотека русских писателей», которое было предложено готовить Брюсову и Лернеру. Переговоры об этом начались в мае 1910 года, но как раз в октябре Брюсов усомнился в реальности этого предложения. Подробнее см.: Валерий Брюсов — историк литературы. С. 337–361; а также в следующих письмах публикуемой переписки.

⁴ Согласно уставу 1836 года, который действовал в начале XX века, «Академия наук и все члены ее состоят под особенным высочайшим покровительством, оставаясь в ведении министра народного просвещения, чрез которого восходят к его императорскому величеству все дела Академии, требующие высочайшего разрешения» (Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М., 1975. С. 94).

⁵ Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920), приват-доцент Петербургского университета, инициатор и руководитель многих изданий, в том числе собрания сочинений Пушкина (см. прим. 1 к п. 7).

⁶ Среди разнообразных трудов Аничкова были посвященные собственно филологическим проблемам, как, например, «„Историческая поэтика“ Ал-ра Ник. Веселовского» (Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1907) или непосредственно текстологическая работа (Методологические замечания о тексте «Демона» // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1913. Т. 18. Кн. 3).

⁷ Анна Митрофановна Аничкова (урожд. Авинова, псевд. Ivan Strannik; 1868–1935) — писательница, автор прозаических произведений на русском и французском языках. В первом номере журнала «Русская мысль» за 1911 год при содействии Брюсова появился ее рассказ «Без трудов спасение» (см. несколько подробнее в письме Брюсова к П. Б. Струве от 1 декабря 1910 года: Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве (1910–1911) / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1960. Вып. 5. С. 307).

9

Брюсов — Аничкову

13 октября 1910 <года>

1 Мещанская 32 <Москва>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Простите, что ответил Вам не сразу. Разные мои слишком многочисленные дела не дают мне быть аккуратным в переписке...

Вот что я должен ответить на Ваше предложение. Этой весной я был приглашен И. Кубасовым¹ редактировать, совместно с Н. Лернером, малое Академическое издание Пушкина. Приглашение было вполне категорическое, и были определены даже условия гонорара.² В течение лета и осени я вел по этому поводу переписку с Н. Лернером, который сносился с Кубасовым. Таким образом до последнего дня я считал себя одним из двух (и только двух) редакторов м<алого> Акад<емического> изд<ания>. Само собой разумеется, что при таком положении дел я не имею права, да и «физически» не в силах взять на себя участие в редактировании другого издания. И Вы, конечно, не станете требовать, чтобы я нарушил раз данное обещание и отказался от раз принятых на себя обязательств.

В Вашем письме, однако, положение дел по изданию м<алого> Акад<емического> Пушкина изображено иначе... Я не знаю, чьи сведения точнее, Ваши или мои. Если Вы осведомлены лучше меня, разумеется, мой ответ на Ваше предложение может быть иным, нежели тот, который я дал выше. Издание, задуманное Вами, очень интересно, и я с удовольствием принял бы в нем участие, если бы вдруг выяснилось, что м<алое> Акад<емическое> издание не состоит вовсе или что порядком его редактирования изменен. К сожалению, я не вижу способов выяснить положение вещей и думаю, что Вашему издательству ждать, пока оно выяснится само собою, слишком затруднительно.

Благодарю Вас за память обо мне и за добрые слова Вашего письма.

Уважающий Вас

Валерий Брюсов

Машинопись, подпись — автограф. Красным карандашом зачеркнут написанный чернилами № 29 и красным карандашом проставлено: № 24. Частично опубл.: Валерий Брюсов — историк литературы. С. 354.

¹ Иван Андреевич Кубасов (1875–1936) заведовал книжным складом Академии наук, затем был правителем дел комиссии по изданию «Академической библиотеки русских писателей».

² О гонораре за издание Брюсову сообщал Лернер: «Вознаграждение, он <Кубасов> говорил мне, такое: за текст по 30 руб. с листа, а за примечания (этот отдел очень невелик, пот<ому> что места мало) — 50 р. Я сказал ему, что эти условия сносны при 20.000 экз<емпляров>, но что при большем тираже (а ожидать должно, судя по успеху «Кольцова», кот<оро>го разошлись два издания по 20.000, а теперь печатается уже третье, и «Лермонтова», тиража втрое больше, если не еще больше) гонорар следует пропорционально или хоть не совсем пропорционально увеличить. Он возразил, что нужно подумать о читателе, кот<оро>му „П<ушки>н“ должен обойтись как можно дешевле. Во всяком случае будем просить увеличить нам эту плату именно в зависимости от материального успеха издания, т. к. у комиссии нет возможности сразу дать нам больше, а ведь нам придется получать гонорар частями, во время хода работы» (Валерий Брюсов — историк литературы. С. 338). Брюсов отвечал на это: «30 рублей за лист — *c'est maigre*, как говорят французы. Но приемливо <так!>, ввиду благой цели издания, интересности дела и того соображения, что некоторые листы не представят большой трудности (хотя иные будут дьявольски трудны)» (Там же. С. 141).

10

Аничков — Брюсову

<16 октября 1910 года; Петербург>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Пишу Вам со слов и с согласия Н. А. Котляревского, председателя комитета при Ак<адемии> н<аук> по изданию малых акад<емических> изданий русских писателей.

Насчет Пушкина дело у них обстоит вот как: издание это еще вовсе не решено и не запротоколировано, т. е. о нем не было никакого постановления. Недели через две Н. А. увидит министра и будет хлопотать об ассигновании средств на это издание. Если таковые будут предоставлены, пойдет речь о составе редакции. В принципе решена редакция коллективная, в нее должны войти: С. А. Венгеров, Модзалевский и др. лица. Кубасов отрицал перед Котляревским, что уже передал приглашения, и по этому поводу у Н. А. Котляревского уже была переписка с Лернером. Окончательно будет установлена редакция малого Пушкина после баллотировки в комитете.

Н. А. Котляревский говорит еще, что участие Ваше в нашем издании (т. е. редакция Ваша вместе с Лернером) ни в коем случае не может неблагоприятно отразиться на Вашей деятельности <так!> в качестве члена комитета при Ак<адемии> н<аук>, каковым Вы состоите с весны текущего года. Прибавлю к этому, что сам Н. А. дает мне предисловие к издаваемому мною Собр<анию> соч<инений> Добролюбова под моей редакцией.

Таково положение вещей, как оно выяснилось вчера из разговора моего с Н. А. Повторяю, что пишу с ведома и согласия Н. А.

Итак, позвольте вновь предложить Вам редактировать популярно-научное издание Пушкина, для чего пригласить в сотрудники Лернера, который может Вам быть полезен. В случае согласия напишу Лернеру. Вы, вероятно, согласитесь, чтобы, когда между нами будет установлено Ваше участие, т. е. Ваша редакция, мы с Вами предложили редакцию Лернеру.

Очень надеюсь на благоприятный ответ с Вашей стороны и прошу принять уверения в совершенном уважении

Е. Аничков.

Адрес: Его Высокоблагородию Валерию Яковлевичу Брюсову. Москва. 1 Мещанская 32. Обратный: Вас. Остр. 6 л. д. 39. Е. В. Аничков.

Петербургский штампель: 16.10.10; московский — 19.10.10. Заказное.

Бумага с тем же адресом. Частично опубл.: Валерий Брюсов — историк литературы. С. 350–351, 357.

На конверте имеется карандашная запись Брюсова:

«М. Волошин. О творчестве Голубкиной

Он же. Нежность и жестокость в творчве Ф. Сологуба

Он же. Демоны молчания <?>

О пошлости».

11

Брюсов — Аничкову

1 ноября 1910 <года; Москва>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Вопрос, о котором я Вам писал, с течением времени не разрешился, а запутался еще более. Я получил от И. А. Кубасова длинное объяснительное письмо, которое ничего мне не объяснило. В этом письме в общих чертах он повторяет свои весенние предложения, но просит подождать «три–четыре недели».¹

Вы, конечно, понимаете, в какой мере мне приятно было бы редактировать именно издание «Академической библиотеки». Это издание получит широкое распространение, станет авторитетом, делается образцом для многих последующих... Однако я понимаю, что Вам и тому издательству, от лица которого Вы говорите, нет никакой возможности ждать моего ответа до того времени, пока я уясню свои отношения к «Академической библиотеке». Я очень боюсь, что «три–четыре недели» обратятся и в «три–четыре месяца»... Поэтому я предлагаю Вам, так сказать, не развязать, а разрубить этот запутавшийся узел. Вот мое предложение:

Если Ваше издательство согласно, не в пример «Академической библиотеке», заключить со мной договор *немедленно*, я готов отказаться от всяких предложений Академии и принять на себя редактирование Вашего издания.

В самых общих чертах мои условия таковы:

Издание будет состоять из 6 томов приблизительно по 40 листов в каждом; всего 240 листов (вероятно, немного меньше) по 30.000 букв. (Число томов, конечно, условие не обязательное). В издание войдет текст всего, написанного Пушкиным, за исключением официальных документов, написанных по определенной форме, некоторых черновых бумаг, совершенно незначительных набросков и т. под. Из вариантов войдут только избранные. Текст будет установлен частью по изданиям, частью по рукописям. Везде происхождение текста будет указано. Биографическое вступление, предисловия к отдельным произведениям и библиографические примечания будут кратки и будут носить деловой характер.

Я постараюсь найти соредактора (для ускорения работы) и прежде всего обращусь к Н. О. Лернеру.

На подготовку каждого тома потребуется от 2 до 4 месяцев. Таким образом, все издание, при двух редакторах, может быть закончено в течение года. Но это срок минимальный, и желательно было бы его увеличить.

Редакторский гонорар — указанный Вами: тридцать рублей с листа. Он уплачивается по представлении оригинала каждого тома (а не по выходе его в свет) по приблизительному расчету. По окончании всего издания производится окончательный расчет. За все издание этот гонорар составит 7.200 рублей.

Из своей доли гонорара (3.600 р.) я желаю четыреста рублей получить *немедленно*, в виде аванса. Высылка этих денег будет служить для меня свидетельством, что мои условия приняты, и я тотчас же приступлю к работе.

Само собой разумеется, что в ближайшем будущем я доставлю издательству подробную программу своей работы, а издательство заключит со мною формальный договор.

Я надеюсь, многоуважаемый Евгений Васильевич, что Вы не задержите ответа на это мое письмо, так как весь смысл моих предложений основан на желании покончить это дело без малейшего промедления.

Преданный Вам
Валерий Брюсов.

Штемпель: Валерий Яковлевич БРЮСОВ. Москва, 1 Мещанская, 32.
Машинопись, подпись — автограф. Зачеркнут чернильный № 30 и красным карандашом поставлен № 25.

¹ Имеется в виду письмо от И. А. Кубасова от 27 октября (Валерий Брюсов — историк литературы. С. 356–357).

12 Аничков — Брюсову

3-ье ноября 1910 <года; Петербург>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич

Очень благодарен Вам за письмо, из которого делаю самый оптимистический вывод.

Что до меня касается, то на все Ваши условия согласен. Аванс же зависит уже не от меня, но всего вероятнее, что так или иначе и это устрою.

Должен теперь объяснить Вам мое личное участие в издании. Я приглашен фирмой «Деятель» главным редактором (разумеется, единоличным) большой серии под заглавием «Библиотека русских классиков». ¹ На моей обязанности лежит: во-1-ых — выбирать редакторов для каждого отдельного автора, причем приглашение составляет мое основное право; ясно, что без него я не взялся бы за дело; во-2-х выработать общий план и характер всего издания.

В своих обязанностях и правах я, однако, ограничен следующим: Во-1-ых, размером и ценою каждого тома, во-2-ых, внешность, т. е. в данном случае переплеты не от меня; я очень хотел, чтобы и переплеты были заказаны мною кому-либо из моих приятелей-художников, но тут встретилось препятствие, по-видимому, чисто коммерческого характера, и мне пришлось уступить; это сделать было мне, однако, легче, потому что никаких заставок и концовок не предполагается и, значит, художественная сторона почти совпадает с технической, в-3-их, типографию и бумагу выбираю не я, но зато шрифт утверждается мною; в-4-ых, на первых порах придется ограничиться авторами, названными в договоре, и только после того, как большая часть из них пройдет, я буду в состоянии сам включать авторов в список классиков.

В договоре о гонорарах — следующее: они выдаются по подписанным мною ордерам, половина — по представлении матерьяла, а остальная — при сдаче последних подписанных корректур. Об авансах — ни слова, и я, памятуя свой прежний редакторский опыт, не настаивал. Однако — не скрываю — сам я обеспечил себя авансом. Ведь если дело не пошло бы, я слишком рискую ради приглашенных мною сотрудников.

Чтобы дело было совершенно ясно, вот общий заголовок:

Библиотека русских классиков под ред. проф. Е. В. Аничкова

Добролюбов под ред. пр. Е. В. Аничкова

Гоголь под ред. Н. И. Коробка <так!>

Некрасов под ред. С. М. Городецкого

Лермонтов под ред. Н. О. Лернера

Пушкин под ред. В. Я. Брюсова и Н. О. Лернера (?)

и т. д. ²

Все это я пишу Вам к тому, что раз мы с Вами сговорились, дело кончено. Условие, милости просим, заключим; фирма же помимо меня заключать условий на издание авторов в «Библиотеке русск<их> класс<иков>» не может; это было бы нарушением договора со мною.

Итак, будьте добры, формулируйте условие. Вы подпишете копию, а я подлинник, или наоборот, как захотите. Аванс же постараюсь выслать немедленно, как только его раздобуду. Фирма называется «Деятель» Троицкая 26. Как только поправится мой секретарь, Ивойлов,³ — он сейчас болен, — дам переписать мое условие, чтобы Вы могли с ним ознакомиться. Петербургским сотрудникам показывал подлинник и оттого копии не заготовил.

Позволяю себе прибавить следующее на всякий случай. Представьте себе, что Вы потерпите какой-либо убыток, когда мы оба вчиняем иск «Деятелю» — я по своему условию, Вы по дополнительному своему. Если же из этого ничего доброго не получится, Вы вчините иск ко мне. Я отвечу усадьбой и пр. по гражданскому иску, а кроме того, я подлежу и уголовному за вовлечение в невыгодную сделку. Это объяснил мне один присяжный поверенный, и я заключаю отсюда к большой своей душевной удовлетворенности, что рискую больше приглашенных мною редакторов.

Однако из того, что я сообщил Вам о моей роли в этом деле, следует моя обязанность выработать общий план всего издания. Тут прежде всего я с удовольствием вижу полное совпадение с высказанными в Вашем письме взглядами, а это в высшей степени важно. В настоящее время я занят как раз разработкой того, что я называю *основными началами* издания. Мне хочется добиться единства в разнообразии, т. е. план мой должен дать полный простор каждому отдельному издательскому замыслу и в то же время придать всей серии характер единообразия. Наиболее существенно, чтобы не было перерывов в самом тексте, и концентрация аппарата вне его. Против этого погрешил Венгеров. Особое внимание мне хочется также обратить на орфографию. Она не должна быть случайна, как в академическом издании Кольцова.⁴ Орфография должна соответствовать современной грамотности, т. е. Гроту; однако Грот принят не целиком даже самой распространяющей его Академией.⁵ Как же быть? Я пригласил ак<адемика> Бодуэна-де-Куртенэ вместе с его учеником пр<иват>-доц<ентом> Щербой⁶ формулировать нам, что принять и что откинуть из Грота. Раз будет установлена общая орфография, легко выступят отступления от современной грамотности в тех случаях, когда надо соблюсти фонетику и словоупотребление какого-либо поэта.

Мне кажется, лучше всего сделать так: я разошлю свой план сотрудникам и попрошу всех к себе для совместного обсуждения. Тут же Щерба прочтет нам реферат о Гроте, что тоже послужит темой для обсуждения.⁷ После этого мы приступим к окончательному осуществлению нашей работы. Может быть, и Вы, ввиду серьезности дела, найдете возможным посетить Питер, где Вас так много людей ждет с нетерпением.

Теперь — относительно Лернера. В последнем письме я писал Вам, что более Лернера дорожу Вашей редакцией. Это, разумеется, остается в силе. Мне хотелось, чтобы Лернера пригласили Вы. Но вот что произошло: во время неприятного мне, конечно, распутывания интриг академической канцелярии — мы-то, питерцы, ее знаем — пришлось узнавать и о Лернере. Венгеров и проболтался ему. Что же было делать? Поехал знакомиться. Теперь дело обстоит так: Лернер взял на себя Лермонтова. Если Вы поладите с ним, он будет с Вами, что желательнее ввиду его огромных знаний и для быстроты. Если не поладите — худого не вижу. Только напишите ему скорее и сообщите мне. Переговоры и пойдут через Вас. Я же скажу ему, что буду ждать, пока Вы сладитесь.

Сердечно Ваш
Е. Аничков.

P. S. Только что видел представителя ф<ирмы> «Деятель». Относительно аванса готово. Как только черкнете, что окончательно согласны, пошлю аванс. Условия, может быть, заключим здесь. Говорю это в надежде, что Вы согласитесь посетить нас.

Лично я смотрю на условие к Вам и как на формальность, потому что уверен в Вас как в себе, что же касается меня, то Вы видите, как я отношусь к этому делу.

Сегодня был у меня Вячеслав. Вернулся на этих днях из Италии, прочел с большим успехом свою первую лекцию на Высших Курсах Раева.⁸ Настроен миролюбиво и благодушно. Весь полон филологии, до того, что вот, вот прольется.

На Мещанскую 32. Петербургский штемпель — 4.11.10, московский — 5.11.10. Заказное. Дата, подпись и постскрипtum — автограф, остальное — машинопись с правкой. Частично опубли.: Валерий Брюсов — историк литературы. С. 354–355.

¹ Впоследствии серия получила название «Библиотека русских писателей».

² В итоге из планировавшихся Аничковым изданий реально вышли собрания сочинений Н. А. Добролюбова под редакцией Аничкова (9 томов в 1911–1913 годах), Н. В. Гоголя под редакцией Н. И. Коробки (5 томов в 1912–1914 годах) и И. С. Никитина (вероятно, Аничков ошибся, написав «Некрасов») — 2 тома в 1912 году.

³ Владимир Николаевич Ивойлов (псевд. Княжнин; 1883–1941), поэт и литературовед. Помимо того, что он был секретарем «Библиотеки русских писателей», он также помогал Аничкову в работе над творчеством Добролюбова. См.: *Аничков Е. В., Княжнин В. Н.* Дела и дни Н. А. Добролюбова // Современник. 1911. № 11. С. 241–286; *Княжнин В.* Архив Н. А. Добролюбова, принадлежащий Пушкинскому Дому. Описание // Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., [1914]. С. 1–77. Более подробно о нем см.: *Лавров А. В.* Княжнин Владимир Николаевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2; *Грякалова Н. Ю.* В. Н. Княжнин (Ивойлов) — историограф символистского движения // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 335–344.

⁴ См.: *Кольцов А. В.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. А. И. Лященко; изд. Разряда изящной словесности Императорской Академии наук. СПб., 1911 (первые два издания вышли в 1909 году). В предисловии редактор писал: «Редактор старался сохранить особенности правописания, свойственные поэту. По отношению к Кольцову выполнение этого условия вызвало некоторые затруднения вследствие невыдержанности и непоследовательности орфографии Кольцова» (с. XV).

⁵ Основные предложения по систематизации русской орфографии были сформулированы Я. К. Гротом в работе «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (вошло в книгу: *Филологические разыскания академика Я. К. Грота: Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка* / Изд. Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1873). На основании этой работы им было составлено краткое руководство «Русское правописание», выдержавшее 22 издания до 1916 года. Вместе с тем эти принципы вызывали и серьезную критику. Основательную библиографию см.: *Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII в.)*. М., 1965.

⁶ Иван Александрович Бодуэн де Куртене (1845–1929) — лингвист, член-корреспондент Академии наук, профессор Петербургского университета. О его интересе к орфографии свидетельствует книга: *Бодуэн де Куртене И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912. Лев Владимирович Щерба (1880–1944) действительно был учеником Бодуэна де Куртене, работал в комиссии Академии наук по вопросу о русском правописании, с 1909 года — приват-доцент Петербургского университета.

⁷ Насколько нам известно, текста подобного реферата Щербы не было опубликовано. Отметим, что в его библиографии числится брошюра, которую нам увидеть не довелось: Дополнения и поправки к «Русскому правописанию» Я. К. Грота со справочным указателем к нему. СПб., 1991 (на правах рукописи), а также оставшаяся в рукописи работа: Мнение Л. В. Щербы об орфографической инструкции для юбилейного академического издания сочинений Пушкина (см.: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/bibliogr.htm>; дата обращения: 18.09.2020). В настоящее время вопрос об орфографии и пунктуации текстов Пушкина активно дебатруется (см., например: *Лефельдт В.* Модернизация текстов Пушкина и ее последствия. Критические замечания по пробному тому запланированного нового академического издания произведений А. С. Пушкина // Новое литературное обозрение. 1998. № 5; *Вацуро В.* Еще раз об академическом издании Пушкина (Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта) // Там же. 1999. № 3; *Гаспаров Б.* Заметки о Пушкине // Там же. 2001. № 6, и др.

⁸ Речь идет о Вяч. Иванове, с которым Аничков был близко дружен. Лето и первые два месяца осени 1910 года он вместе со своей падчерицей В. К. Шварсалон, ставшей его третьей женой, провел во Флоренции и Риме. О женских курсах Н. П. Раева и службе Иванова там см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева // Русская литература. 2011. № 4. С. 66–79.

13

Брюсов — Аничкову

8 ноября 1910 <года; Москва>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Итак, будем считать дело сделанным. Не мог Вам ответить раньше, так как смерть Толстого спутала всю мою жизнь, как и всем, кто принимал живое участие в разных организациях и обществах. Сейчас еду на «ото» в Ясную Поляну.¹ Только вернувшись, буду иметь возможность ответить Вам подробнее.

Сейчас скажу лишь одно. «Аванс» в 400 р. является не деталью в моих условиях, а одним из самых основных начал. Дело в том, что ни при каких недоразумениях я судебного дела (о чем Вы пишете²) ни против издательства, ни тем более против Вас лично (Вы бы меня обидели таким своим предположением, если бы я отнесся к нему как к серьезному), конечно, не начну. Поэтому мне необходима гарантия, что мой труд, сколько я его затратчу, не пропадет совершенно даром. Такую гарантию я и могу получить лишь в том, что оплата моего труда будет производиться более или менее «вперед».

Делая поправки, вытекающие из Вашего письма, я теперь предлагаю такие условия. Издательство высылает мне теперь же аванс в 400 р. Но этот аванс остается *непогашенным* до выхода *последнего* тома издания. Гонорар за каждый отдельный том уплачивается в два срока: половина при представлении рукописи (точнее, оригинала) и половина по выходе тома в свет. Аванс засчитывается при уплате второй половины гонорара за последний том. Ко всему этому присоединяется еще одно мое «требование». Издательство обязуется доставить мне 1 экз<емпляр> соч<инений> Пушкина издания Венгерова и 1 экз<емпляр> соч<инений> Пушкина издания Ефремова — Суворина.³ Эти издания после соответственных исправлений я и буду представлять издательству как «оригинал» (цена этих двух изданий около 40 р.).

Подробно разработанные условия с указанием тех обязательств, какие я беру на себя, я доставлю Вам в самом скором времени. Мне важно, однако, чтобы Вы заранее выяснили *тахи́шим* того срока, который может мне дать издательство на подготовку каждого тома. Я указывал от 2 до 4 месяцев, но весьма желал бы, чтобы срок был несколько увеличен.

За составление программы издания я примусь тотчас по получении указанного мною аванса, высылку которого мне я считаю началом всех моих отношений и обязательств к издательству. В отношении программы мне хотелось бы, чтобы издательство указало мне желательное ему число томов. С своей стороны я предлагаю разместить сочинения в *шести* весьма солидных томах.

Спешу по настоянию шоффера.

Ваш

Валерий Брюсов.

В верхнем левом углу листа штамп: Валерий Яковлевич Брюсов, Москва, 1 Мещанская 32.

¹ О поездке Брюсова в Ясную Поляну см. в очерке «На похоронах Толстого. Впечатления», который начинается так: «Было часов 7 вечера, когда мы выехали за Серпуховскую заставу. Мы ехали на автомобиле, я и Ив. Ив. Попов, как делегаты Московского Литературно-Художественного кружка, на похороны Л. Н. Толстого» (*Брюсов В.* За моим окном. М., 1913. С. 1). «Ото» (от фр. auto) — автомобиль.

² См. п. 12.

³ О Венгеровском издании см. выше, прим. 1 к п. 7. Издание Ефремова — Суворина: *Пушкин А. С.* Соч.: В 8 т. / Под ред. П. А. Ефремова; изд. А. С. Суворина. СПб., 1903–1905. Рецензируя первый и второй тома данного издания, Брюсов писал: «В общем надо сказать, что издание выполнено г. Ефремовым со знанием дела. Это ни в каком случае не ученое издание (какого мы продолжаем ждать от Академии), но хорошее издание великого поэта, годное и полезное для повседневного чтения» (Русский архив. 1902. Кн. III. Вып. 12. С. 525). Впрочем, в другой рецензии на те же тома (Новый путь. 1903. № 1. С. 190–192; подп. Аврелий) Брюсов был гораздо более строг.

14

Брюсов — Аничкову

№ 23

12 ноября 1910 <года; Москва>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Благодарю Вас за высылку от книгоизд<ательства> «Деятель» аванса в четверста (400) рублей, которые я получил. Не замедлю приступить к выполнению обязательств, принятых мною на себя в письмах к Вам.

С уважением

Вал. Брюсов

Открытка на адрес: ЕВ Евгению Васильевичу Аничкову. Вас. Остр., 6 линия, д. 39. Петербург (штемпель Брюсова).

Московский штемпель — 13.11.10, петербургский — 14-11-10.

15

Брюсов — Аничкову

<16 ноября 1910 года; Москва>

Многоуважаемый Е. В.

В дополнение к моему письму от 16.XI,¹ хочу сказать, что 1 мая я назначил как срок, когда я доставлю весь материал для I тома Пушкина полностью. Однако раньше того я могу доставлять материал по частям. Напр<имер>, я могу дать к 1 марта 10 листов, к 1 апреля еще 10 листов и к 1 мая остальные 20 листов (числа — приблизительные).

Хочу еще подчеркнуть, что имею намерение биографию Пушкина (разумеется, сжатую, но не банальную) отнести в VII, последний том, где предполагается <так!> письма. Делаю это, частью чтобы облегчить I т., и так самый большой из всех, частью чтобы иметь больше времени для обработки этой биографии.

Ваш

В. Б.

Открытка. Московский штемпель — 16.11.10. Николаевский вокзал; петербургский — 17-11-10.

¹ Письмо нам неизвестно.

16

Аничков — Брюсову

<18 ноября 1910 года; Петербург>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Очень рад, что мои немцы угодили Вам своей аккуратностью.

В настоящее время я считаю Вас единоличным редактором Пушкина, так что от Вас всецело зависит пригласить кого Вы найдете удобным в сотрудники. Я писал Вам, что мне пришлось говорить с Лернером и что он, ссылаясь на приглашение Суворина, ответил мне в такой форме (какой — не стоит и даже трудно сказать, потому что Лернер потрясающе словоохотлив и любит много говорить о вещах, которые, на мой

взгляд, не стоят яичной скорлупы, что, впрочем, не мешает ему быть милым человеком и собеседником), итак, Лернер ответил в такой форме, что я с его согласия считаю за ним только Лермонтова, а будет ли он с Вами по Пушкину и в какой форме — это целиком на Ваше усмотрение. Могу только сказать, что дело с Сувориним не наладилось. Значит, теперь — конечно, больше не вмешиваюсь: все в Ваших руках.

Относительно распределения по томам вот что: как Вы считали листы? лист и на самом деле будет маленький, т. е. 30–32 тысячи букв; так ли Вы производите подсчет? Если да, то томик в 40 листов ведь представится некрасивым. Мне кажется, лучше всего разделить том, посвященный лирике, надвое. Тогда позднюю лирику можно будет пустить не во втором, а в третьем или четвертом томе. Вашей системы это несколько не нарушает, а что томики окажутся один потолще, а другие потоньше, ничего не значит. Первый же том тогда облегчится, и Вы согласитесь свой очерк в него и включить. Ведь зачем его относить в 7-ой том, когда Вы можете его печатать в любой момент, и он может быть после конца всей работы приброшюрован к первому тому и иметь отдельный счет страниц.

Кстати, одна важная подробность: очень хотелось бы, чтобы каждое издание начиналось с краткой истории текста. Это делают редко, а между тем это очень хорошо. Забыл включить такой пункт.

Итак, лучше всего в 1-ый том помещать поменьше текста и после увеличить его добавочными первыми листами. Что Вы думаете о такой комбинации?

Документы, что у Вас, все копии; не трудитесь их отсылать. Насчет сроков сладимся. Все, что Вы предлагаете, вполне приемлемо. Значит, ждем условия, и, как и раньше, мои аккуратные немцы не задержат и будут стараться быть Вам приятными.

Сердечно Ваш

Е. Аничков.

Машинопись с правкой, подпись — автограф. Петербургский штампель — 19.11.10, московский — 20.11.10. Заказное. Частично опубл.: Валерий Брюсов — историк литературы. С. 357.

17

Брюсов — Аничкову

24 ноября 1910 <года; Москва>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Посылаю Вам проект договора между мною и т<оварищест>вом «Деятель».¹ Будьте добры его исправить и дополнить сообразно с желаниями т<оварищест>ва.

Посылаю Вам также другой план издания, рассчитанный на этот раз на 8 томов. Делаю это ввиду Вашего опасения, что том в 40 листов будет слишком громоздок. Дело в том, однако, что при распределении соч<инений> Пушкина по томам все издатели встречали затруднение в его лирике. Лирических стихотворений у него для одного тома слишком много, а для двух слишком мало. По новой моей программе два первых тома будут меньше всех остальных. Большинство издателей распределяло лирику в 1½ первых тома. Но мне хотелось бы во что бы то ни стало избежать подобной нестройности и добиться, чтобы каждый том представлял законченное целое.

Впрочем, повторяю, в вопросе о количестве томов я готов всецело подчиниться воле издателей, которым виднее, какие томы им удобнее: большие или маленькие. Кроме тех двух [программ] планов, которые я Вам послал, я составил еще несколько, с распределением материала на 6, 7, 8, 9, 12, 14 томов. Я еще продолжаю эти [программы] планы разрабатывать, потому что раньше всего считаю необходимым установить более или менее точно число листов в каждом томе и во всем издании. Выставленные пока цифры — приблизительные.

Кстати сказать, я не думаю, чтобы том в 40 листов был особенно безобразен. Ссылаюсь на пример издания Пушкина под ред. Морозова («Просвещение»)² Там в 1 томе даже 43 листа, а формат еще меньше, чем предполагается Вами (27.000 букв в листе).

Критико-биографический очерк я все-таки просил бы Вас позволить мне отнести в последний том. Мне хотелось бы в этом очерке использовать все новейшие исследования по Пушкину, а такая работа требует времени. Я не сумел бы ее исполнить уже для 1 тома (я, конечно, полагаю, что томы будут выходить по мере того, как будут приготовлены к печати). Кроме того, самая работа над редактированием Пушкина, без сомнения, наведет меня на ряд новых соображений, заставит меня пересмотреть много книг по Пушкину и т. д., так что к концу издания я буду лучше знать Пушкина, чем знаю его теперь.

Что же касается «истории текста», то я ее охотно напишу, разумеется, вкратце, для 1 тома.

Подробную «программу» издания я Вам доставлю тотчас после 1 декабря. Лернеру я писал и жду от него ответа.³

Ваш
Валерий Брюсов

Предположительные сроки доставления материала
издания сочинений А. С. Пушкина

Том I	к 1 мая 1911 года	
Том II	к 1 июля —"—	
Том III	к 15 октября —"—	(или: 1 октября)
Том IV	к 15 декабря —"—	1 декабря
Том V	к 1 марта 1912 года.	1 февраля
Том VI	к 1 мая —"—	1 апреля
Том VII	к 1 июля —"—	1 июня
Том VIII	к 1 октября —"—	1 сентября.)

Эти сроки могут быть изменены согласно с желанием издательства и главного редактора.

В. Я. Брюсов.

Машинопись. Правка, подпись — автограф (штемпель Брюсова).

Чернилами № 31, красным карандашом № 26.

На л. 7 помета: «К № [30] 26».

Дополнительные даты — простым карандашом.

¹ Проект договора нам неизвестен.

² Речь идет об издании: *Пушкин А. С. Соч. и письма: Критически проверенное и дополненное по рукописям издание, с биографическим очерком, вступ. статьями, объяснительными прим. и художественными приложениями* / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Изд. т-ва «Просвещение», 1903–1906.

³ Письмо от 23 ноября 1910 года; см.: Валерий Брюсов — историк литературы. С. 352–357.

18

Аничков — Брюсову

<28 ноября 1910 года; Петербург>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Вчера передал изд<ателям> Ваше условие.¹ Что меня касается, все ладно. Надо только и в условии назначить сроки.

Хуже обстоит дело насчет биографического очерка. Тут, как ни хотелось бы, никак не могу ничего придумать. И издатель не соглашается на то, чтобы мы отнесли биографию в 8 т<ом>. Я просил его поэтому придержать 1-ый т<ом>, тогда можно было бы приброшюровать биографию. Но и на это он не согласен. Что же делать? Мне кажется, надо согласиться, тем более, что ведь принципиально он прав.

Значит, просто отложите на месяц сдачу 1-ого тома. Только что переговорил с Коробкой,² делающим Гоголя. Он по той же причине отложил на месяц. Начнет сдавать в марте. Не устроит ли Вас назначить первую сдачу на начало апреля? А дальше пойдет уже скорее. Или вот еще возможность: биографический очерк может быть разделен между первыми двумя томами?

Ваш

Е. Аничков

Петербургский штемпель — 28.11.10, московский — 30.11.10. Машинопись, подпись чернилами.

¹ См. п. 17.

² Николай Иванович Коробка (1872–1920), историк литературы.

19

Брюсов — Аничкову

3 декабря 1910 <года; Москва>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Если издатели решительно хотят, чтобы биография была помещена в начале издания, я, конечно, подчиняюсь этой воле. Позвольте только, по Вашему совету, разделить ее на два тома: I и II. Постараюсь сделать ее, насколько сумею, лучше...

Ответ от Н. Лернера я получил: он отказывается. Его обидело в моем письме выражение «помощник». Я писал ему, что Вы указывали мне на него, Лернера, как на лучшего и желаннейшего помощника в деле издания Пушкина. Он пишет мне в ответ, что «помощником» он быть ни у кого не согласен, что это ниже его.¹ Если это не простая отговорка, то весьма нелепая притязательность. Стоя на такой точке зрения, я должен был бы обидеться на то, что Вы «главный редактор» Библиотеки русских писателей и я являюсь Вашим «помощником»! Пишу Лернеру еще раз и объясняю ему, что под словом помощник я разумел не слугу, но соредактора, и что наши с ним отношения в новом предпринимаемом издании были бы те же самые, как в издании Академической библиотеки, где он соглашался «редакторствовать» вместе со мной. Не сомневаюсь, однако, что и на это письмо последует от Лернера ответ отрицательный.²

Спрашивается теперь, искать ли мне другого соредактора или Вы согласитесь предоставить редактирование всего издания одному мне. На последнее, что до меня, я согласен, хотя и понимаю все преимущество двоевластия, при котором *ответственность* разделяется пополам. Однако возможность дать Пушкина совершенно по своему, м<n>ою самим обдуманному плану — настолько заманчива, что я готов идти и на риск большой ответственности и перед издателями, и перед обществом (что для меня важнее и страшнее), и на тяготу большой работы, необходимой для того, чтобы томы поспевали вовремя и чтобы все издание было закончено в сравнительно небольшой срок. По предварительному подсчету я полагаю, что могу закончить издание Пушкина один, без соредактора, в 20 месяцев.

Подробную программу издания я надеюсь выслать Вам послезавтра, в воскресенье.

Первые два тома я надеюсь приготовить к печати в первой половине наступающего 1911 года: том I к 1 мая и том II к 1 июля. Остальные томы будут следовать скорее один за другим, потому что я думаю много времени посвятить на подготовительные работы, которые будут одинаково полезны и для первых томов, и для последующих. Так, я считаю своим долгом перечитать и пересмотреть всю пушкинскую литературу.

В Вашем «Условии» с «Деятелем» пункт 11 гласит, что т<оварищест>во обязуется доставлять редактору (т. е. главному редактору, Вам?) за половинную стоимость справочные издания, необходимые для издания. Громадное большинство книг, касающихся Пушкина, есть у меня, в моей собственной библиотеке, так как «Пушкиниана»

моего каталога насчитывает около 200 названий. Есть, однако, два многотомных издания, которыми я не владею: это «Остафьевский архив» и сборники «Старина и Новизна». «Остафьевский архив» нужен мне целиком, а из сборников «Старина и Новизна» те томы, где есть новые документы о Пушкине.³ Если можно получить эти издания на основании пункта 11 Вашего условия, т. е. за половинную стоимость, то я охотно воспользовался бы этим правом и был бы весьма благодарен Вам и издательству за такую услугу. Но если это почему-либо неудобно, я могу обойтись и без приобретения этих книг, так как они имеются в библиотеке Литературно-Художественного кружка, откуда я могу их взять домой на неопределенное время.⁴

В заключение позвольте высказать надежду, что Вы не откажетесь сотрудничать в литературном отделе «Русской Мысли», в редактировании которого я, как Вам, вероятно, известно, теперь принимаю участие и что Вы захотите предложить нам что-либо из Ваших работ.⁵

Душевно Вам преданный
Валерий Брюсов

Машинопись, правка и подпись — автограф (штемпель Брюсова).

Зачеркнут № 32 и вписан № 27. Опубл.: *Литвин Э. С.* Письмо В. Я. Брюсова Е. В. Аничкову (3 декабря 1910 г.) // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 352–353 (с неточностями, исправленными по автографу).

¹ Речь идет о письме Лернера от 28 ноября 1910 года, где он писал: «Желаю Вам энергии и успеха, но в помощники к Вам, как Вы пишете, — простите! — я не пойду (да и ни к кому никогда бы не пошел). Высоко ценю Ваши знания, не сомневаюсь в Вашем редакторском такте, но на амплу помощника не согласен, и если бы тот же Кубасов или кто другой предложил мне эту роль, я бы наотрез отказался от всяких разговоров об этом» (Валерий Брюсов — историк литературы. С. 358).

² Такой обмен письмами произошел лишь в конце января 1911 года (см.: Там же. С. 360–362).

³ «Остафьевский архив князей Вяземских» выходил с 1899 года, последний для данного времени пятый том вышел в 1909 году. В сборниках «Старина и новизна» Брюсову были нужны практически все тома: относящиеся к Пушкину материалы были помещены в кн. I–X (1897–1905) и XII–XIII (1907–1909).

⁴ О библиотеке Московского литературно-художественного кружка и роли Брюсова в ее формировании см.: *Литвин Э. С.* Книга в жизни и творчестве Брюсова // Труды Ленинградского гос. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской. Л., 1956. Т. 1. С. 165–188.

⁵ Брюсов стал редактором литературного отдела в сентябре 1910 года. Аничков откликнулся на его предложение (см. п. 20), однако за годы работы Брюсова в журнале он ни разу не печатался в «Русской мысли». Причин этого мы не знаем.

20 Брюсов — Аничкову

<около 10 декабря 1910 года; Москва>

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Арест декабрьской книжки «Русской Мысли» и связанные с ним хлопоты¹ совершенно нарушили обычное течение моих работ, и я до сих пор не мог доставить Вам обещанной программы изд<ания> Пушкина. Впрочем, теперь эта программа уже вполне составлена и переписывается: не далее как через два дня она будет в Ваших руках.

Условия издательства я получил и должен по поводу их сделать несколько замечаний.

1. Я готов отказаться от перепечатки своего критико-биографического очерка жизни Пушкина и своих примечаний в различных отдельных изданиях своих статей. Но я решительно не могу отказаться от всяких литературных прав на то, что пишу. Все мои писания, значительные и незначительные, в конце концов должны возвратиться в мою собственность. Это condition sine qua non всех моих условий со всеми издателями. Итак я предлагаю к § 11 договора присоединить:

Примечание: Однако, я, Брюсов, имею право перепечатать все написанное мною для данного издания Пушкина в «Полном Собрании» своих сочинений, если таковое будет когда-либо издано, с тем, впрочем, условием, чтобы эта перепечатка состоялась не ранее как через пять лет по выходе последнего тома сочинений Пушкина, отредактированного мною.

Сколько мне известно, такое условие даже не даст мне каких-либо особых, исключительных прав, так как, кажется, согласно с действующим законодательством каждый автор имеет право перепечатывать все, им написанное и уступленное разным издателям, в «Полном Собрании» своих сочинений. Изложите это, пожалуйста, издательству, скажите г. г. издателям, что я, Валерий Брюсов, не могу ничего продавать в полную, окончательную собственность и, наконец, дайте [понять], что это условие, вероятно, останется без приложения на практике. Ведь реально вряд ли я вздумаю когда-либо перепечатывать примечания к произведениям Пушкина, которые (примечания) имеют значение только в рамках определенного издания. Но, по принципу, я должен настаивать на включении приведенного выше примечания в наш договор.

2. Так как издатели настаивают, чтобы биография Пушкина была полностью помещена в I томе, я принужден отсрочить время появления I тома. — Вместе с тем, так как издатели настаивают, чтобы вся редакционная работа была выполнена мною, без приглашения со-редакторов, я должен несколько увеличить и сроки между выходом других томов. — Я предложил бы распределить все издание на два года, с тем, чтобы каждый год я доставлял материал для 4 томов: С января по июль 1911 г. — два тома, с июля по конец декабря 1911 г. — два тома, и в те же сроки 1912 года также по два тома.

3. Я не совсем понимаю расчеты издательства относительно листа в 32 страницы, причем выходит, что некоторые листы будут включать менее 30.000 букв, другие более. Я думаю, что «листом в 30.000 букв» называется такой, который может вместить, при данном числе строк и при данной величине строки, 30.000 букв. Какое же количество букв в нем будет фактически, не имеет значения. Так, напр<имер>, лист изд<ательства> Просвещения, при наборе корпусом имеет 27.500 букв в 16 стр.; в 32 стр. это уже будет 55.000 букв! Необходимо, мне кажется, установить не лист «средним числом в 30.000 букв», а лист «в ___ (столько-то тысяч) букв maximum» или лист «не свыше как в ___ (столько-то тысяч) букв». Думаю, что выяснение этого пункта важно и для Вас, так как Ваш гонорар главного редактора Вы также получаете с листа. Я предлагаю такую редакцию § 13:

§ 13. Во всех пунктах данного договора печатный лист считается в 32 страницы не свыше как в ___ (столько-то тысяч) букв-знаков, с таким расчетом, чтобы гонорар за все издание вообще не превышал суммы в 7.500 р.

Я лично предполагаемого Вами формата не знаю, и потому определить числа букв в листе не могу.

Затем я должен сказать, что выработка всех этих условий не мешает моей работе, которая уже идет полным ходом.

Ваш

Валерий Брюсов.

P. S. Благодарю Вас за согласие принять участие в «P<усской> Мысли». ² Я буду только просить Вас известить меня *заранее*, если Вы надумаете предложить «P<усской> M<ысли>» какую-либо литературную статью. Дело в том, что от своих предшественников я получил громадный архив «принятых рукописей», и распределение материала по книжкам представляет пока нелегкую задачу.

Благодарю Вас и за Вашу книгу, большинство статей которой мне уже были знакомы по журналам. ³ Позвольте мне в обмен доставить Вам свою последнюю книгу, 2 изд<ание> «Земной Оси». ⁴

В верхнем левом углу листа штамп: «Валерий Яковлевич Брюсов, Москва, 1 Мещанская 32». Частично опубл.: Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 673. Датируется на основании следующих

соображений: в письме 18 Брюсов обещал прислать программу 5 декабря, но не сделал этого; значит, письмо написано не ранее, чем 7–8 декабря. Аничков, получив его, должен был известить издательство об условиях Брюсова и получить согласие на них, при этом следует учитывать, что 12 декабря приходилось на воскресенье, т. е. письмо не могло быть написано позднее 10 декабря.

¹ Этот номер журнала «Русская мысль» был арестован за напечатание повести Брюсова «Последние страницы из дневника женщины». Обстоятельства, которые проистекали из этого запрещения, Брюсов излагал в письме к П. Б. Струве от 5 декабря 1910 года (*Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве*. С. 309–310).

² Письмо с согласием нам неизвестно. В «Русской мысли» в 1907–1918 годах Аничков не печатался.

³ Имеется в виду книга Аничкова «Предтечи и современники. 1. На Западе» (СПб., 1910). Дарственная надпись Брюсову опубликована: Лит. наследство. Т. 85. С. 675.

⁴ *Брюсов В.* Земная ось: Рассказы и драматические сцены. 2-е изд., доп. М., 1910.

21

Аничков — Брюсову

13 дек<абря> <19>10 г<ода; Петербург>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Относительно возможных участников Вашего издания Пушкина — уладил. Надо только оговорить, что Вы приглашаете лиц по соглашению со мною. Что касается до воспроизведения Ваших статей для изд<ания> в Полн<ом> Собр<ании> Ваших сочинений, то это несомненно, но отдельным изданием или в сборниках статей Вы не должны их помещать.

Затрудняюсь устроить Вам получение указанных Вами изданий через «Деятель». Дело в том, что и сам не пользуюсь этим целиком во избежание трений. Заставляю их покупать только справочники и самое основное, т. е. непосредственно нужное для напечатания текстов.

Теперь вот что: 23 дек<абря> в четверг соберутся у меня все редакторы для совместного обсуждения типа изданий и, *чему я придаю особенно важное значение*, для обсуждения вопросов *орфографии*. Доклад сделает об орф<ографии> пр<иват>-д<оцент> Л. В. Щерба, поруководит прениями Бодуэн-де-Куртенэ. Очень бы попросил Вас приехать. Можно было бы устроить Вам здесь, в Питере, лекцию, напр<имер>, в Литературном Обществе. Ведь и условие лучше всего заключить не путем переписки. Аккуратнее выйдет. А дело важное, хотя бы с точки зрения материальной.

Сердечно Ваш

Е. Аничков.

Петербургский штемпель — 15.XII.1910; московский — 16.12.10.

22

Брюсов — Аничкову

<17 или 18 декабря 1910 года; Москва>

№ 24

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Я постараюсь приехать в Петербург 23 декабря, хотя это и очень неудобный день. Ведь я лишусь таким образом возможности быть у себя в сочельник и вряд ли успею вернуться к первому дню праздника... Повторяю, однако, что постараюсь приехать,

если только не захвораю, так как последние дни чувствую себя не вполне здоровым. — Что касается «Остафьевского Арх<ива>» и других изданий, я на этом нисколько не настаиваю. Я просто думал, на основании Вашего «условия», что такое приобретение пособий у Вас вошло в обиход. — Очень затрудняет меня требование поместить в I т. биографию Пушкина. Я думал написать ее исподволь, в 1 ½ года, работая над изданием: теперь надо писать спешно, в 2–3 месяца. Это нелегко, и, без сомнения, задержит появление I тома.

Ваш

Валерий Брюсов.

Закрытка, на адрес Аничкова, со штемпелем Брюсова. Петербургский штампель — 19.12.10, московский — нрзб.

23 Аничков — Брюсову

<2 января 1911 года; Петербург>

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич

Ну, как наше условие?

Распределение Ваше получил. Мне кажется, теперь отлично. Будет очень стройное издание.

Прежде всего должен Вам сообщить, что было 23<-го>.

По общему согласию сотрудников решено давать орфографию современную, кроме всех тех случаев, когда редактор найдет нужным сохранить какую-либо особое <так!> и оговорит причину этого. Современной орф<ографией> считает<ся> Грот. Щерба рассказал нам l'histoire de la question.¹ Отсюда выяснилось, что принадлежит *самому* Гроту, а что постепенно вводилось. Решили внести в Грота пока лишь 2 поправки: 1) *о* после шипящих, кроме наиболее употребительных *е*, как напр<имер> *еще* и 2) сократить введенное Гротом удвоенные согласные в иностранных словах, напр<имер> писать *аккуратный*, а не *аккуратный*. Председательствовал Бодуэн-де-Куртенэ. Теперь оба, Бодуэн и Щерба, сидят за формулировкой своего руководства для правописания.² Решено также, что надо еще собраться, потому что даже вопрос о правописании решен лишь вчерне, и нам предстоит трудная и важная задача организовать корректуру на заграничный лад.

Если бы Вы пожелали все-таки приехать в Питер, чтобы лично заключить условие, я подождал бы следующее заседание к дню Вашего приезда. Хорошо бы, если бы Вы пробыли в Питере какую-либо *пятницу*, потому что Литер<атурное> Общ<ество> продолжает просить у Вас реферата.³

Кажется, все по нашему делу?

Надеюсь, Вы теперь поправились.

Теперь насчет «Русск<ой> Мысли». Мне хотелось бы дать рецензию на книгу Венгерова «Героический характ<ер> р<усской> л<итературы>». Свободна ли эта тема? Я предложил бы еще вот какую: О дневнике Левицкого Чернышевского в связи с биографией Добролюбова.⁴ Кроме этого, С. А. Венгеров говорил мне, что «Р<усская> М<ысль>» согласна напечатать кое-что из неизданных отрывков Добр<олюбова>, и просил меня подготовить этот материал, т<ак> к<ак> я как раз сижу над архивом Добр<олюбова>. От себя и для себя я предложил бы предисловие к подобным публикациям Добролюбовских inédits.⁵ Интересного много, но все такое, что без комментария едва ли будет понятно, а потому и оценено читателями.⁶

В заключение — эгоистическое

1. Приятно было бы получать «Р<усскую> М<ысль>», и еще приятнее получить и истекший год, которого у меня нет.

2. Не скажет ли «Р<усская> М<ысль>» чего-нибудь не слишком ругательного о моих «Предтечах и Современниках».⁷

Сердечно Ваш

Е. Аничков

На 1 Мещанскую. Петербургский штемпель — 2.1.11, московский — 4.1.11.

¹ историю вопроса (*фр.*)

² Такой труд нам неизвестен, хотя, как следует из п. 46, он в каком-то виде существовал. См. также прим. 7 к п. 12.

³ Брюсов в Петербург тогда не приезжал и реферата в Литературном обществе не читал.

⁴ Имеется в виду фрагмент «Дневник Левицкого» в романе Н. Г. Чернышевского «Пролог». Работа Е. В. Аничкова о нем нам неизвестна. Также см.: *Вдовин А. В.* Как писалась биография «новых людей»: Н. Добролюбов в беллетристике Н. Чернышевского // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. Тарту, 2009. Вып. 7. С. 172–175.

⁵ неизданное (*фр.*)

⁶ Сотрудничество Аничкова с «Русской мыслью» не состоялось, ни один из его планов в этом журнале реализован не был. Названная книга Венгерова была последней новинкой его библиографии.

⁷ Книга Аничкова отрецензирована в журнале не была.

24

Брюсов — Аничкову

4 января 1911 <года; Москва>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

К большому моему огорчению я все еще хвораю: какая-то глупая затяжная инфлюэнца. Болезнь моя не мешает мне работать, но я остерегаюсь выходить по вечерам, а о поездке в Петербург пока не могу и мечтать. Итак, приходится продолжать вести дела по переписке.

Условие с «Деятелем» я охотно подпишу и подписанное пришлю Вам. Сообразно с тем, что Вы мне писали, я вставляю в него одно примечание: что мне оставлено право перепечатать мои статьи в «Полном собрании» моих сочинений. Почти несомненно, что я этим правом никогда не воспользуюсь, если даже напечатаю это «Полное собрание». Какой смысл будут иметь эти статьи, оторванные от соответствующего текста! Но все же на этом условии я стою.

Еще хотелось бы мне выяснить одно обстоятельство. Получу ли я сколько-нибудь «авторских» экземпляров издания? Я понимаю, что большого количества издательство мне дать не может. Но небольшое? хотелось бы мне иметь десять, но готов я в крайнем случае удовлетвориться и пятью. Это ведь немного.

В настоящее время я занят биографией Пушкина. Очень это трудное дело. Необходимо перечитать всю Пушкинскую литературу! Во всяком случае, для первого тома я напишу очерк довольно сжатый, и подробности буду приводить в объяснениях к соответствующие места.

Смущают меня размеры предположенного третьего тома. Он будет много больше всех других. Об этом еще буду писать Вам.

То, что Вы пишете о правописании, приму к сведению. Но мне кажется опасным модернизировать правописание Пушкина. Можно этим исказить самое произношение его стихов. Я, напр<имер>, побоялся бы введения *о* после шипящих. Неужели же печатать «мечом»? Пушкин не был бы доволен такой транскрипцией.

Книга Венгерова «Героический характер р<усской> л<итературы>» в «Русской Мысли» свободна, и я охотно «запишу» ее за Вами. Но не смутит ли Вас размер библиографических заметок в «Р<усской> М<ысли>»? Посылаю Вам наше обращение к рецензентам, из которого Вы увидите, что «максимальный размер рецензии» 1 страница. П. Б. Струве желает строго держаться этого правила.

Статья о дневнике Левицкого в связи с биографией Добролюбова, сколько я вижу, выходит за пределы собственно литературных статей и потому подлежит непосредственному ведению Струве. Но, разумеется, если Вы доставите ее мне, я перешлю ее Струве с своим суждением.

О неизданных отрывках Добролюбова я еще ничего не слышал. Мне кажется, что этот материал должен быть очень интересен. Жаль только, что отдел материалов у нас сейчас загроможден. Но я надеюсь, что для Добролюбова можно и потесниться. И, конечно, Ваши комментарии весьма желательны.

Для «Предтеч» постараюсь найти рецензента, хотя и не легко это. Где у нас знатоки западной литературы? Разве предложить Марии Веселовской?¹ Вам это кажется подходящим?

Относительно высылки «Русской Мысли» пока не могу сказать ничего решительного. Дела «конторы» я от себя отстранил. Но сегодня же напишу П. Б. Струве вопрос, не включить ли Вас в число сотрудников, которым журнал высылается.

Душевно Ваш
Валерий Брюсов

Штемпель Брюсова. № 33 — № 28.

¹ Мария Васильевна Веселовская (1877–1937) — критик, переводчица (в основном бельгийской литературы), жена литературоведа Ю. А. Веселовского; неоднократно печаталась в «Русской мысли».

25 Брюсов — Аничкову

<24 января 1911 года; Москва>

№ 25

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Вы мне не ответили на два вопроса: 1) можно ли вставить в условие с «Деятелем» тот пункт, о котором мы «списывались»: о праве моем перепечатывать мои статьи в «Полном собрании» моих сочинений: если можно, я тотчас пришлю условия подписанными. 2) можно ли дать Вашу книгу рецензировать М. Веселовской? Есть еще 3) — даст ли мне «Деятель» несколько бесплатных экз<емпляров> Пушкина? — но это все же дело второстепенное.

П. Б. Струве просил меня предложить Вам реферировать для «Русс<кой> Мысли» книгу: Bruno Barth, Liebe und Ehe im altfranzösischen Fabel un<d> in der mittelhochdeutschen Novelle. Berl<in> 1910. Для этого реферата-рецензии мы могли бы отвести от 3 до 4 ½ стр. (от 6 до 9 столбцов) в отделе «Обзоры», где лист оплачивается гонораром в 100 р. Само собой разумеется, что желательна не ученая рецензия, а популярное критическое изложение книги.

Ваш
Валерий Брюсов.

P. S. «Р<усская> М<ысль>» высылается на имя А. Н.¹

Штемпель Брюсова.

Закрытка на адрес Аничкова. Штемпели: 24. I. 11 Москва; 25- I-11 Петербург. ВО, 6 линия, 39.

¹ Возможно, А. М. — Анна Митрофановна Аничкова, см. о ней прим. 7 к п. 8.

26

Аничков — Брюсову

<Не ранее 25, не позднее 27 января 1911 года; Петербург>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

К сожалению, вполне пойти навстречу Вашему желанию относительно права перепечатания Ваших статей из Вашего издания Пушкина в Собр<ании> Ваших Соч<инений> невозможно. Могу только обещать, что устрою Вам это *со временем*, когда пойдет само издание, укоренится на рынке и Вы приступите к Полному Собр<анию> Ваших сочинений, разумеется, настолько объемистому, что перепечатание там статей не обесценит Вашего Пушкина.

Насчет количества экземпляров — Вам предлагаем 10 даровых.

Поручение «Русск<ой> Мысли» исполню, как только получу книгу Barth'a. Не правда ли, и рецензия в 1 стр. о Венгерове за мною?

Г-же Веселовской высылаю свою книгу. Надеюсь, что не очень сетует на меня за промедление ответом. Было много тревожного и захватывающего <в> это время в моих личных делах.

Ваш

Е. Аничков

Штемпели: Петербург 27.1.11; Москва 28.1.11. Мещанская 32.

27

Брюсов — Аничкову

Многоуважаемый

28 янв<аря> 1911 <года; Москва>

Евгений Васильевич!

Бога ради, изъясните издателям, что *я не могу* продавать ни одной своей строки в полную и неотъемлемую собственность кого бы то ни было. Речь идет почти что исключительно о принципе. Почти наверное я, даже если буду издавать «Полное собрание» своих сочинений, не включу в него своего биографического очерка Пушкина, не говоря уже о примечаниях, к<отор>ые, без текста, не имеют смысла. Кроме того, мною написано уже теперь свыше 20 томов! Что в этой массе будут значить 2–3 листа очерка о Пушкине! Наконец, я *обязуюсь* не перепечатывать *ничего* в течение 5 лет со дня выхода *последнего* тома Вашего издания. Помилуй Боже, разве это не достаточные гарантии. Но все, мною написанное, я *должен* сохранять в своей собственности!

Работа над П<ушкиным> у меня подвигается. Скоро я сумею сообщить Вам со всей точностью сроки, в какие буду Вам сдавать приготовленные части. Сейчас пишу историю текста и работаю над биографией. Будут ли в издании рисунки и какие?

О Венгеровском Пушкине в «Р<усской> М<ысли>» хочет писать «сам» П. Б. Струве. Поэтому к нему Вам и надлежит обратиться с вопросом, возможна ли рядом Ваша рецензия. (Струве будет больше писать «по поводу»).

Ваш Валерий Брюсов

Закрытка. Штемпели: Москва 30.1.11, Петербург 31.1.11. Опубл. с некоторыми погрешностями: Лит. наследство. Т. 85. С. 673.

¹ Такой статьи П. Б. Струве не появилось.

28

Аничков — Брюсову

<4 февраля 1911 года; Петербург>

Дорогой

Валерий Яковлевич

Будьте добры, согласитесь на такой текст того пункта, который Вы отстаиваете. Долго спорил со своим немцем и достиг следующего, что, мне кажется, вполне соответствует Вашим желанием. В том месте условия, т. е. к тому пункту его, где говорится об уступке Вашей работы над Пушкиным «Деятелю» — прибавить:

«Кроме биографического очерка Пушкина, которые <так!> я, Брюсов, имею право поместить в Полное Собрание моих сочинений, не ранее, однако, как через пять лет во <так!> времени выхода в свет издания Пушкина под мою редакцию в Библ<иотеке> русск<их> писателей».

Насчет Венгеровской рецензии отнюдь не настаиваю, а рецензию о браке и любви в средние века напишу, если пришлете книжку. У меня когда-то была статья в одном специальном журнале. Давно это было. Вопрос сложный и интересный.

Так согласитесь на мою редакцию, не правда ли?

Сердечно Ваш

Е. Аничков

Штемпели: СПБ 4-2-11; Москва 5-II-11. На 1-ю Мещанскую.

29

Брюсов — Аничкову

21 марта 1911 <года; Москва>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Зима эта была решительно несчастливой для меня. Я опять, уже третий раз за сезон захворал, больше недели лежал в постели и лишь теперь возвращаюсь к делам.

Прежде всего посылаю Вам подписанный мною свой договор с т<оварищест>вом «Деятель». Я добавил к его тексту тот пункт, о котором мы с Вами переписывались. Повторяю, я не собираюсь им пользоваться и настаивал на нем чисто принципиально. У меня в журналах и разных изданиях есть десятки статей, не перепечатанных в книгах, и мой биографический очерк не будет иметь никакого смысла вне издания и без дополнительных моих примечаний. Но все же я не мог не сохранить за собой авторского права на него. Будьте добры, передайте Условие по назначению и попросите прислать мне с него копию, за подписью издателя: если я принимаю на себя обязанности, я хочу и гарантировать свои права.

Составление этого самого критико-биографического очерка подвигается вполне успешно. Следует нам точнее выработать правила, в какие сроки буду я Вам сдавать свою работу. Сообщите мне, пожалуйста, желаете ли Вы иметь биографический очерк отдельно от текста I тома или должно Вам выслать весь материал I тома одновременно? И если да, то какой срок полагаете Вы предельным? Замечу при этом, что первый том — самый для меня трудный. Во-первых, работая над ним, я невольно делаю многое и для последующих. Во-вторых, я вырабатываю самые методы работы и расположения материала. В-третьих, затрудняет меня (как я Вам неоднократно писал) составление биографического очерка, так как он требует пересмотра всей деятельности Пушкина, за все годы его жизни и во всех областях его творчества. Таким образом, для I тома мне приходится изучать такие вопросы, которые, не будь в томе биографии, я мог бы пересмотреть при составлении одного из дальнейших томов. Вот почему I том готовится мною сравнительно медленно. Последующие я буду подготавливать к печати *гораздо* скорее.

Я не знаю еще, решило ли издательство приложить к изданию иллюстрации и какие, — те ли, о которых писал я, или иные? Я мог бы составить гораздо более обширный список иллюстраций, нежели тот, который я представил, но я не знаю намерений издательства в этом отношении.¹

На днях высылаю Вам том своих переводов из Верлена, только что вышедший из печати.² Там есть (хотя и оговоренная потом в списке «поправок») опечатка в ссылке на Вашу книгу.³ Очень извиняюсь в этом.

Кстати, послали ли Вы Вашу книгу М. В. Веселовской? Я говорил с ней, и она охотно взялась написать об ней для «Русской Мысли».

Материалы о Добролюбове «Русская Мысль» будет печатать охотно. Я писал подробно об этом деле С. А. Венгеру, и он обещал на днях выслать начало.⁴

Ваш

Валерий Брюсов.

Машинопись, подпись — автограф. № 34 — № 29.

¹ Этот первоначальный список нам неизвестен. Об иллюстрациях см. следующее письмо.

² Имеется в виду книга: *Верлен П.* Собр. стихов / В пер. В. Брюсова с критико-биографическим очерком, библиографией и шестью портретами. М., 1911.

³ Давая свое понимание стихотворения «Резиньяция» (Там же. С. 3), Брюсов писал: «Так же понимает это место Е. Аничков (см. его статью о Верлене, в его книге «Предтечи и предшественники»)» (Там же. С. 156). Исправление (на верное «Предтечи и современники») см. на с. 193.

⁴ 8 марта 1911 года Брюсов писал Венгеру: «Материалы о Добролюбове „Русская Мысль“ согласна поместить от 1 ½ до 2 ½ листов, с гонораром по 100 р. лист, считая в том числе и редакторские примечания» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 388. Л. 55; датируется по почтовому штемпелю). На это Венгер ответил 17 марта: «Из Добролюбова (с примечаниями) Е. В. Аничкова) в скором времени что-нибудь интересное выберу и пришлю Вам» (Там же. Ф. 444. Ед. хр. 53. Л. 35 и 35 об.; за сообщение текстов приносим сердечную благодарность М. М. Павловой). Однако, несмотря на это, в журнале ничего напечатано не было.

30

Аничков — Брюсову

29 марта

1911 г <ода; Петербург>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

На днях получил подписанную копию с Вашего условия.

Насчет иллюстраций я уже писал Вам. Издательство хочет только *один* портрет и *один* автограф, более ничего. Мне это кажется правильным. Ведь иллюстрировать полно — это совершенно особая задача, требующая и самостоятельного замысла, и особого типа покупателя. Академия иллюстрирует совершенно случайно, что Бог на душу положит. Венгеров иллюстрирует из рук вон, потому вопросом единства стиля и не задается. Мы будем в этом отношении давать *необходимый минимум*. Вам предстоит, таким образом, остановиться на *одном* портрете Пушкина. Мне думается, и оригинальностью не надо задаваться. Дайте портрет, какой с художественной стороны и со стороны достоверности сходства считается лучшим.

Присылаю Вам свою статью о Гамлете из Ежегодника Императорских Театров.¹

Спасибо за Верлена, с интересом жду.

Свои «Предтечи и Современники» послал на имя г-жи Веселовской и по Вашему адресу, т <ак> к <ак> ее адреса не знал.

Из материалов о Добролюбове предлагаю «Русской Мысли» следующие:

1. Воспоминания о Добролюбове Сциборского и Шемонского, его товарищей по Главном Педагогическом Институте <так!>, где раскрывается любопытная картина студенческих движений до 61 года.²

2. Неизданную статью (отрывок) о происхождении русского романа. Статья любопытна тем, что раскрывает Фейербаховскую основу «реализма» критических приемов Д<обролюбо>ва.³
3. Неизданные стихи, из которых, может быть, что-нибудь выберете.
 Ко всему этому охотно напишу предисловие в виде комментариев.

Сердечно Ваш

Е. Аничков

На 1 Мещанскую. Петербургский штемпель нрзб., московский — 31. III. 11.

¹ Аничков Е. Гамлет // Ежегодник Императорских театров. СПб., 1911. Вып. 1. С. 25–62.

² Михаил Иванович Шемановский (1836–1865), студент математического факультета Главного педагогического института, один из самых близких друзей Добролюбова. Его воспоминания были опубликованы гораздо позднее: Лит. наследство. 1936. Т. 25–26. С. 271–298 (одновременно: Год девятнадцатый. М., 1936. Альманах девятый. С. 390–425). В публикации «Литературного наследства» сделано примечание: «Указание В. Н. Княжнина о публикации части воспоминаний в „Русской Мысли“ 1914 г. ошибочно». Борис Иванович Сциборский (1833?–1896) — один из ближайших друзей Добролюбова по Главному педагогическому институту. Его воспоминания были опубликованы в том же томе «Литературного наследства» (С. 300–314).

³ Имеется в виду статья «О русском романе» (Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. / Под ред. Е. В. Аничкова; текст обработан по 1-ому изданию, по журналам и рукописям. СПб., [б. г.]. Т. 3. Литературная критика. Ч. 1. Статьи и отзывы 1856–58 гг. С. 11–24; 2-я паг.). В предисловии к этому тому Аничков писал: «Еще в 1855 г. Д-в набросал две небольшие статьи, впервые входящие в собрание его сочинений теперь, где фейербаховская история философии и применена к истории литературы» (Ред. Эстетика реализма // Там же. С. 14; 1-я паг.).

31

Брюсов — Аничкову

1-ое июня, 1911 г<ода; Москва>

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Вы, вероятно, удивляетесь, не получая так долго [моих] от меня вестей. Дело в том, что я опять расхворался и почти на месяц должен был прекратить всякие работы. Только теперь возвращаюсь к ним, и прежде всего принимаюсь за Пушкина.

Летом можно мне писать по городскому адресу.

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов

Штемпель Брюсова.

Машинопись, подпись и правка — автограф.

№ 35 (чернилами).

32

Аничков — Брюсову

<8 августа 1911 года; Жданки>

СПб.

Вас. Остр. 6-ая линия 39

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Так как я от общих знакомых слышал, что Вы это лето работали над Пушкиным, я не хотел приставать к Вам с письмами, всегда имеющими какой-то неприятный ха-

раakter напоминания. Нам, конечно, приятно было бы иметь первый том поскорее, но ведь это и в Ваших интересах.

Теперь Цер (поверенный Мейера <?>) стал приставать, и я беру на себя смелость попросить Вас назначить более или менее точно, когда мы получим т. I.

Как хорошо Вы сделали, что взяли на себя это дело. В Академии, как слышал от очень жалеющего, что разошелся с Вами, Лернера, столько ерунды, мелочности, интриг вокруг Пушкина! Скучно было бы в этой каше вариться.

Проверка Грота, сделанная прив<ат->доц<ентом> Щербой под руководством Бодуэна, близится к концу.

Недавно говорил об этом с Венгеровым, и он теперь склоняется к мысли, что его система печатать П<ушк>ина — утопия. Оказывается, что не может добиться от корректоров типографии, чтобы они удерживали то, что по их мнению опечатка в тексте Пушкина, а на самом деле пресловутое соблюдение орфографии. А рядом с этим он получает письма от подписчиков, спрашивающих, отчего так много опечаток: они тоже принимают за простые опечатки отклонения от нашего обычного начертания слов.

Почти сделан I т. «Гоголя» под ред. Коробки. Распорядок такой:

Общий очерк критико-биографический

Основная библиография

Хронологическая таблица

Шмуцитул

Вступ. статья к «Юношеским опытам»

Юношеские опыты — текст

Шмуцитул

Вступительный очерк к «Вечерам на хуторе»

Вечера на хуторе — текст.

Варианты

Примечания

Оглавление

Сердечно Ваш

Е. Аничков

Штемпели: Боровичи Новг. 8-8-11; Москва 9.VIII.1911.

33

Аничков — Брюсову

<около 22 августа 1911 года; Жданки>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Получили ли Вы мое последнее письмо?

Мне неприятно Вас беспокоить, но нам нужно порешить со 2-ой серией библиотеки, а для этого надо условиться насчет 1-ой.

Не полнитесь черкнуть, как обстоит у Вас дело? Когда ждать тома I Пушкина?

Сердечно Ваш Е. Аничков.

Петербургский штемпель нрзб., Москва — 23.8.11.

34

Аничков — Брюсову

<10 октября 1912 года; Петербург>

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Последний раз, когда мы вели с Вами переговоры и переписывались относительно Пушкина, Вы говорили, что издательство должно дать Вам время и возможность сделать работу, как Вам удобно, ввиду многих других обязательств, которые на Вас лежат. Сообразно этому мы очень долгое время и не беспокоили Вас. Но теперь дело обстоит следующим образом. Издательство очень нуждается в сочинениях Пушкина, надо выпустить на рынок хотя бы 2–3 тома. Заведующий издательством недавно предупредил меня, что до начала издания Пушкина никаких других заказов сделано не будет. Так как мы в общем уже закончили уже <так!> 9 томов наших изд<аний> и печатается в настоящее время столько же новых, а стало быть, и все до сих пор сделанные заказы будут в скором времени окончены, Вы понимаете, как остро для меня стоит вопрос о Пушкине. Надеюсь, что Вы, приняв во внимание все эти обстоятельства, назначите, на этот раз уже окончательно, сроки для сдачи Пушкинского текста.

Примите уважение в совершенном почтении

Е. Аничков

10.X.1912.

СПБ

Машинопись (приписка и подпись — автограф). Бумага: Евгений Васильевич Аничков. Каменный Остров, 47. Тел. 549-41.

Конверт со штемпелями: 10.10.12 С.-Петербург; 11.10.12 Москва. Именной. На адрес: 2-я Мещанская, 32.

Помета: Отв. Аничков.

35

Брюсов — Аничкову

Москва, 18 октября, 1912 г<ода>

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Почти не нахожу слов, чтобы не оправдать, а сколько-нибудь объяснить свое поведение перед Вами и издательством. Могу привести только два довода, которые хоть немного объяснят Вам мою медлительность. Во-первых, я всю эту зиму не мог освободиться от работы над своей повестью «Алтарь Победы», работы, — которая, против моего ожидания, отнимала у меня много времени. Хотя повесть была написана сравнительно давно, для каждой книги журнала приходилось обрабатывать ее главы почти заново. Это — первое.¹ Разумеется, это не может служить никаким оправданием для издательства, перед которым я взял на себя известные обязательства. Но Вам это объяснит мою медленность и позволит поверить, что теперь, когда моя повесть закончена, я буду иметь возможность со всей интенсивностью взяться за Пушкина. Во-вторых, самая работа над изданием Пушкина все же оказалась гораздо более сложной, чем я ожидал. Конечно, я с самого начала предвидел всевозможные затруднения, особенно в I томе, куда входят стихи, текст которых наименее выработан. Но, работая над этим томом (верьте, что я работал всю зиму), я столкнулся с *тысячами* недоразумений, нерешенных вопросов, невыясненных обстоятельств, которые раньше мне не были известны.

Во всяком случае, если Вы и издательство столь великодушны, что все еще оставляете эту работу за мною, я теперь посвящу себя, кроме работы по редакции, *исключительно* Пушкину и не предприму ничего значительного, пока этого дела не закончу. I том был подготовлен мною к печати *еще весной*. Остается только решить некоторые

второстепенные вопросы и, главное, написать биографию. Последнее особенно затрудняет меня по причинам, которые я в свое время излагал Вам.¹ Но, конечно, я постараюсь одолеть эти затруднения и при всей невозможности в наше время дать настоящую биографию Пушкина дам хотя бы обстоятельный ее очерк. Уверен, что в течение 4–5 недель рукопись I тома будет в Ваших руках. Остальное готовить к печати будет *гораздо легче* и, после I тома, следующие я буду доставлять Вам в любые сроки, какие Вы сами захотите мне назначить.

Уважающий Вас
Валерий Брюсов

Опубл. с погрешностями: Лит. наследство. Т. 85. С. 674.

№ 36 — № 30. Штемпель Брюсова. Примечание, обозначенное звездочкой, отсутствует. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Роман «Алтарь Победы» печатался в журнале «Русская мысль» (1911. № 9, 11, 12; 1912. № 1–6, 8–10).

36 Аничков — Брюсову

<26 октября 1912 года; Петербург>

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич,

Очень благодарю Вас за приятные известия о Пушкине. Как только получим от Вас оригинал, немедленно приступим к набору.

Как я слышал, Вы часто бываете в Петербурге;¹ было бы очень приятно увидеться. Может быть, известите, когда будете.

Сердечно Ваш
Е. Аничков

26.X.1912
СПБ

Машинопись (приписка и подпись — автограф). Та же бумага. Петербургский штемпель нрзб., московский — 28.10.12.

¹ Днем раньше Брюсов писал С. А. Полякову: «...Вы возвращаетесь в Москву, я вновь еду в Петербург» (*Брюсов В. Я. Переписка с С. А. Поляковым (1899–1921)* / Вступ. статья и комм. Н. В. Котрелева; публ. Н. В. Котрелева, Л. К. Кувановой, И. П. Якир // Лит. наследство. 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 131). Судя по всему, эти поездки были связаны с делами «Русской мысли» и с переговорами об издании собрания сочинений Брюсова в издательстве «Сирин».

37 Аничков — Брюсову

<27 ноября 1912 года; Петербург>

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич,

Позвольте Вам напомнить, что назначенный Вам срок для сдачи подошел. С большими надеждами и чаяниями ждем от Вас Пушкина.

С совершенным почтением

Е. Аничков

27.X<I>.1912
СПБ

Машинопись (приписка и подпись — автограф). Та же бумага. Штемпели: Санкт-Петербург 28.11.12; Москва 29.11.12.

38 Брюсов — Аничкову

30 ноября 1912 <года; Москва>

Многоуважаемый
Евгений Васильевич!

Мне очень стыдно, что я еще раз пропустил поставленный мною срок. Произошло это потому, что, вернувшись из Петербурга, я вновь захворал и около 2 недель решительно не мог работать. Теперь я занят спешно заканчиванием I тома. Если хотите, я могу *немедленно* выслать Вам *вполне* приготовленное к печати его начало (кроме биографии, которую можно печатать с особой нумерацией стр<аниц>). Во всяком случае, до Рождества весь том будет в Ваших руках. Ввиду того, что перед праздниками типография вряд ли могла бы приступить к работе, я думаю, что эта новая задержка не затормозит дела.

Вы, может быть, знаете, что я *отказался* от работы в ред<акции> «Русской Мысли». ¹ Это решение освобождает мое время, которое я и посвящу Пушкину. Кстати сообщая, что рукопись Анны Митрофановны находится у меня, и я, заканчивая свою работу, передам ее Петру Бернг<ардовичу> Струве со своим заключением, разумеется, «благоприятным». ²

Ваш
Валерий Брюсов

Автограф. № 37 — № 31.

¹ Об обстоятельствах ухода Брюсова из «Русской мысли» см.: *Брюсов В. Я.* Письма к П. Б. Струве. С. 264–265. Вместе с тем он получал от журнала ежемесячное вознаграждение в 100 руб. за право преимущественного приобретения его произведений.

² О какой рукописи идет речь, мы не знаем. Последний раз А. М. Аничкова напечаталась в первом номере журнала за 1912 год.

39 Аничков — Брюсову

<1 декабря 1912 года; Петербург>

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич,

В самом деле, пришлите то, что у Вас готово. По крайней мере, мы сразу займем в типографии шрифт Пушкиным. Если Пушкин должен заменить «Р<усскую> Мысль», то ему следует идти скоро.

Надо ли жалеть, что Вы расстались с «Р<усской> Мыслью»? Мне всегда казалось, что настоящей поэзии не по пути с кадетами. Да и есть ли какой-нибудь путь, кроме своего собственного?

Сердечно преданный
Е. Аничков

1.XII.1912
СПБ

Машинопись (подпись — автограф). Та же бумага. Штемпели: 1.12.12 С.-Петербург; 2.12.12 Москва.

Помета: Аничков.

40

Аничков — Брюсову

<1912 (?) год; Петербург>

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич

Большая к Вам просьба: время подошло мне заказывать портреты, и их надо ма-стерить все сразу.

Будьте добры сообщить, какой портрет Вы желали бы приложить к Вашему изда-нию Пушкина?

Сердечно Ваш

Е. Аничков

Датируется приблизительно по смыслу и адресу Аничкова.

Бумага: Евгений Васильевич Аничков

В. О., 6 линия, 39

Тел. 549-41

41

Аничков — Брюсову

<18 декабря 1912 года; Петербург>

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич

С удовольствием посылаю Вам в наборе тот материал, который Вы мне прислали. Верните его мне же. Первое время самое лучшее — посылать через меня. Мне пакеты носят ежедневно.

На днях внесу залог за московский телефон, и тогда мы можем с Вами в крайних случаях непосредственно сноситься.

Не будете ли любезны прислать мне описание Вашего издания.

Сердечно Вам преданный

Е. Аничков

Без даты. Бумага: Каменный Остров, 47 (исправлено рукой). Штемпели: 18.12.12 С.-Петер-бург; 19.12.12 Москва.

42

Брюсов — Аничкову

<21 декабря 1912 года; Москва>

№ 27

Многоуважаемый Евгений Васильевич!

Высылаю Вам первые страницы корректуры Пушкина. Очень прошу, сверстав, вернуть их мне *вместе* с гранками. В первых стихотворениях пришлось сделать до-вольно много поправок, в чем виноват я, а не типография. — Мне важно выяснить два вопроса. 1) Будут ли шмуцтителы между стихотв<орениями> разных периодов? Если *да*, то на стр. 1–2 надо поставить: «Лицейские стихотворения». Если *нет*, то же самое надо поставить наверху 10-й стр. под «1814 год». 2) Будут ли пробелы между строфа-ми? Если *да*, надо разделить на строфы «Леду» и уничтожить везде «абз<ацы>», т. е.

отступление первой буквы вправо. Если *нет*, надо сделать указанные мною абз<апы> в «Пирующих студентах» (которое, иначе, тоже разделится на строфы). Стихи 1815 г. высылаю Вам на этих днях.

Ваш

Валерий Брюсов.

21 д<екабря> 1912.

Открытка: на адрес: ЕВ Евгению Васильевичу Аничкову Каменный Остров, 47. Петербург. Штемпели: Москва 21.12.12; Петербург 22.XII.12.

43

Брюсов — Аничкову

27 дек<абря> 1912 <года; Москва>

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Работая над Пушкиным, я остановился сейчас над вопросом, как относиться к вариантам. Из того образца моих «примечаний», который я Вам послал, Вы могли видеть, что я привожу лишь «важнейшие». Но, во-первых, деление на «важнейшие» и «менее важные» — крайне зыбко; во-вторых, моя любовь к каждой строке Пушкина побуждает меня включать в число «важнейших» вариантов едва ли не все. Через это примечания становятся громоздкими и обширными. Боюсь, что для Вашего изд<ания> это не нужно. [Кроме] Оно назначено для чтения, а не для научного изучения Пушкина (так?). Кроме того, значительное число приводимых вар<иантов> потребовало бы нумерации стихов (иначе невозможно разыскивать разночтения), а это придало бы изданию вид педантический. Сам я начинаю склоняться к тому мнению, что число даваемых комментариев надо свести до *minimum* — т. е. приводить лишь сильно переработанные отрывки и притом представляющие нечто цельное, или же разночтения, важные [по] в биографическом отношении. В таком духе я готов переработать уже написанные примечания и вести их дальше. Но в этом случае мне особенно важно Ваше решение. Если Вы предпочитаете, чтобы собрание вариантов было более или менее полное, — я сделаю так. Если же Вы согласны со мной, что для Вашего изд<ания> предпочтительнее самый строгий выбор разночтений, — я займусь таким отбором. Жду Вашего ответа.

Ваш

Валерий Брюсов.

Опубл.: Лит. наследство. Т. 85. С. 674–675. Автограф.

44

Аничков — Брюсову

<5 января 1913 года; Петербург>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич,

простите, что из-за праздников не ответил Вам тотчас же. Конечно, примечания должны указывать прежде всего только самое важное: происхождение текста, причины той или иной датировки; если же упоминается собственное имя незнакомого человека, то его оговорить, что относительно известного можно оговорить взаимные отношения, т. е. что в это время делал или написал, насколько был знаком Пушкину

упоминаемый автор. Мне кажется, так лучше всего. Что касается вариантов, то они в наших изданиях совершенно отделяются от примечаний (Правило такое: текст, варианты и примечания. И варианты, и примечания — с новой страницы). Варианты должны быть, разумеется, существенными, т<ак> к<ак> издание предназначается, как Вы справедливо заметили, для чтения, а не для изучения Пушкина. Наконец, о нумерации стихов. Она у нас принята (см. приложенный к письму листок корректуры), и сделано это удачно: сбоку, отступя от текста, т<ак> что она почти не привлекает к себе внимания.

Еще о шмуц-титулах. Количество ш<муц>т<итуло>в и что на них будет написано, будьте любезны определить сами. Мое мнение, что чем меньше их будет, тем лучше.

На днях пришлю Вам единственного поэта, которого мы издали (Никитина) для ознакомления.

Сердечно Ваш

Е. Аничков

Штемпели: Москва 5.1.13; С.-Петербург 6.1.13. Заказное. Бумага с исправленным адресом (и такой же конверт). Машинопись, подпись — автограф. Приложены 2 корректурных листа из собрания сочинений И. С. Никитина.

45

Брюсов — Аничкову

5 января 1913 <года; Москва>

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Сознаюсь Вам, что два первых сверстанных листа Пушкина меня очень огорчили. Объявления «Деятели» говорят об изящных переплетах его изданий. Но не важнее ли изящество самого издания и, прежде всего, изящество, с каким напечатан самый текст. К сожалению, предлагаемый мне образец будущего издания Пушкина никак не может похвалиться типографским изяществом. Текст сверстан так тесно, так скупно, что книга будет напоминать скорее какой-то справочник, чем издание поэта. И что толку, если текст стихов будет тщательно проверен, если его читать-то не захочется! А я очень боюсь, что в предлагаемом виде издание Пушкина (притом объявленное за сравнительно дорогую цену в 14 р.) именно будет читателей «отпугивать» внешностью.

Если говорить о моем «идеале» (о, сведенном к самым скромным пределам), то я желал бы: 1) несколько больших промежутков между отдельными стихотворениями; 2) пробелов между строфами (какие имеются в издании Никитина¹). Если бы этот идеал был осуществим, я прошу Вас *телеграфировать* мне, и я немедленно вышлю 2-й экз. корректуры с указаниями, где эти пробелы сделать должно. Но даже от этого скромного идеала я готов отказаться, если только издательство согласится на самое необходимое. Именно: нельзя переносить последний стих строфы на следующую страницу, — это воспрещается самой элементарной техникой книгопечатания, и такая строка на типографском языке носит очень неблагозвучное прозвище (см. примеры на стр. 14 и 16). Далее, нельзя втискивать эпиграф так, что, за отсутствием всякого пробела, он становится частью самого стихотворения (см. стр. 20). Еще, нельзя помещать заглавие вплотную над стихами (см. стр. 19). Все это заставляет меня убедительно просить издательство исправить верстку первых двух листов. Добавляю к этому еще одну настоятельную просьбу: в стихотв<орении> «Пирующие студенты» пробелы между строфами, хоть самые незначительные, неизбежны: иначе строф различить невозможно. (То же самое надо будет просить сделать в стихотв<орении> «Воспоминание в Царском Селе» и «Сраженный рыцарь», уже отправленных мною Вам). Эти переверстанные листы я буду просить опять (увы, в 3-й раз!) прислать мне, и я *в тот же день* верну их подписанными к печати. Отказаться от нового просмотра их я никак не могу,

уже ввиду того, что при первой верстке в тексте, по вине типографии, возникли новые ошибки (см., напр<имер>, стр. 20).

Простите мне эти жалобы и настояния: Вы видите, что они клонятся к улучшению издания. Очень прошу выслать мне и дальнейший набор. Я теперь вполне вошел в работу по Пушкину и дальнейших корректур не буду задерживать более 1–2 дней: в этом обещаюсь.

Ваш

Валерий Брюсов

P. S. Впрочем, есть просьба: распорядитесь, пожалуйста, чтобы типография поставила *цифры стихов* или, как в изд<ании> Никитина, т. е. нумеруя стихи каждой страницы, или, как в Акад<емическом> изд<ании>, нумеруя стихи каждого стихотворения. Мне это совершенно необходимо для сообщения вариантов.

Автограф. № 39 — № 33.

¹ Корректурные листы собрания сочинений И. С. Никитина под редакцией С. М. Городецкого были присланы Брюсову в этот же день (см. п. 44 и прим. к нему).

46

Аничков — Брюсову

<7 или 8 января 1913 года; Петербург>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Когда получил Ваше письмо, собирался писать Вам все то же самое, что пишете Вы, т<ак> к<ак> несколькими часами раньше пришла Ваша корректура. Конечно — слишком компактно. Издательство вовсе этого не требует. Не лучше ли всего вернуть мне Вам корректуру, чтобы Вы сами разметили? Кстати поставите и счет строк. Это последнее надо делать самому, а типография путает. Вам надо самому решить, начинать ли счет строк с верха страницы или с начала каждого стихотворения. Второе, пожалуй, — лучше. Как Вы думаете?

Мне надо было Вас спросить еще вот о чем. Как мы порешим о шмуцтитулах и колоннитулах? Мне кажется, что начинать каждый отдел лирики Пушкина с особого шмуцтитула не следует. Некрасивы эти белые листы в середине текста; они торчат обыкновенно как бельма. Один шмуцтитул на том, по-моему, за глаза (простите за каламбур). Но это не значит, чтобы нельзя было делать разделов. Я начал каждую серию обозначением годов, а колоннитул<ы> давали бы определение каждого периода. Вот схема:

recto	verso	recto	verso
1812 — 1817	А. С. Пушкин	Лицейские	А. С. Пушкин
Др. стих.	1	Стихи	1
1	5	1	5
5	10	5	10
10	15	10	15
15	20	15	20
20		20	

Как Вы думаете?

Не язвите насчет переплетов, мне не дали в это вмешиваться, а то не было бы так гадко.

Сердечно Ваш

Е. Аничков

Приложенный к письму конверт со штемпелем 15.9.11 на самом деле относится к недошедшему до нас письму. Датируется по смыслу, так как явно является ответом на п. 45.

Бумага:
Евгений Васильевич
АНИЧКОВ
<печатная строка густо замазана и от руки вписано:>
Каменный Остров, 47
тел. 549-41

47

Брюсов — Аничкову

9 января 1913 <года; Москва>

Многоуважаемый
Евгений Васильевич!

Благодарю Вас за быстрый ответ. К сожалению, мне все же не совсем ясно, считаете ли Вы возможным *пробелы между строфами*, или только хотите менее компактно расположить стихотворения, т. е. увеличить пробелы между ними (перед заглавиями etc.) Будьте добры ответить мне на этот вопрос определенно (во всяком случае, в некоторых, хотя бы немногих, стихотворениях пробелы между строфами, как я Вам писал, совершенно необходимы), и, сообразно Вашему решению, я сделаю окончательные разметки в первых 2 листах. Для этого, конечно, лучше вернуть мне корректуру, тем более что, как Вы указываете, надо сделать в ней и нумерацию стихов (причем я с Вами согласен, что лучше нумеровать строки стихотворения, а не страницы). Вместе с тем я поставлю и клан-титлы, о которых Вы пишете, только думаю, что в них, — для удобства справок, — необходимо означать и год (1814, 1815, 1816...).

Что касается шмуц-титлов, то я все же просил бы их сохранить. Они нужны только для первых 2 томов (лирика), и всего, в обоих томах, их будет никак не более 8: следовательно, на все издание это составит 1 лишний лист, что не очень много. Для меня же они важны потому, что в конце каждого периода (определенных этими шмуц-титлами) я собираю стихи, точная дата которых неизвестна, но которые явно относятся к такому-то периоду жизни Пушкина. Так, после «Лицейских стихотворений» 1814–1817 г. идут лицейские же стихи 1812–1817 г., точных дат которых мы не знаем и которые другими издателями относятся к определенным годам лишь по традиции. Без шмуц-титла будет странен переход от стихов 1817 г. к стихам 1812, и потом опять 1817 г.

Кстати сказать, два первых тома, которые я хочу занять исключительно лирикой, будут *несколько* меньше других, а 3-ий и 4-ый, которые будут заняты «поэмами», несколько больше других. Но это — неизбежно, по самому свойству материала. Мне кажется крайне некрасивым дополнять 2-ой том, как это сделал П. О. Морозов,¹ «сказками», которые должны занять свое место в ряду «поэм».

Преданный Вам
Валерий Брюсов

Автограф. № 40.

¹ Петр Осипович Морозов (1854–1920) — историк литературы, пушкинист. Речь идет о 7-томном издании Сочинений Пушкина под его редакцией и с объяснительными примечаниями. См. прим. 2 к п. 17.

<7 февраля 1913 года; Петербург>

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич

Посылаю Вам лист для соответственных исправлений относительно расположения промежутков между отдельными стихотворениями. Цифры поставил и колонтитулы написал. То и другое карандашом, чтобы Вы могли изменить.

Но вот очень и очень существенное. Когда мы списывались с Вами относительно характера наших изданий, мы договорились до принципа орфографии. На всякий случай посылаю Вам орфографический словарчик, нами изданный на правах рукописи. Не правда ли, мы с Вами решили, что все попытки восстановить правописание Пушкина ни к чему не привели и представляют собою филологическое недоразумение? С. А. Венгеров не филолог в настоящем смысле, т. е. не *современный* филолог; оттого он встал на ложный путь. Я советовался по этому предмету с Ал. Ал. Шахматовым и встретил полное сочувствие своему взгляду, по которому современное издание какого-либо текста, если оно не хочет быть *fac simile*, должно давать современную орфографию. Ведь в самом деле, разве не правы Шахматов и его школа, когда издают даже летопись нашей гражданской печатью и оттого ъ и А передают одинаково — я, Ѡ и О — о и т. д. Пушкинская орфография была *никакой* т. е. случайной. Что же тут восстановить? Мне казалось, что Вы согласились и даже сами были этого мнения?

Однако вот прилагаю сделанный нашим корректором список отступлений в Вашем тексте от обычного правописания.

Мне кажется, что отступления даже необходимы в следующем:

1. Когда хочется передать какие-либо звуковые особенности. Оттого я не возражаю против сч=щ. Но ведь цвѣл произносится всегда как цвѣл. Вообще же звуковые отступления, не правда ли? касаются преимущественно рифм. Но и тут:

— дверах
часах.

Неужели Пушкин произносил: дверах; так говорят на юге.

2. Когда словоупотребление другое. У Вас, например, воксал, а не вокзал. Так, действительно, в старину говорили. Но мы продолжаем говорить покаместъ, а пишем: покаместь. Надо ли в Пушкинском тексте отступать от современной обычной грамотности?

Очень прошу Вас рассеять эти мои сомнения, которые смущают и издательство. Прилагаю при сем выработанные под предс<едательством> акад<емика> Бодуэна де Куртенэ «принципы». Вы верно помните, что с этого мы начали, т. е. я собрал сотрудников и под председ<ательством> Бодуэна мы обсудили кое-какие соображения филологического характера.

Сердечно преданный
Е. Аничков.

Бумага и конверт с печатной (исправленной) надписью. На Мещанскую. Петербургский штемпель — 7.2.1913; московский — 8.2.13.

49

Брюсов — Аничкову

13 января 1913 <года; Москва>

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

Не случайно и не необдуманно я пришел к тяжелому решению сохранять в изд<ании> Пушкина орфографию первоисточников (не Пушкина). Я хорошо помнил наш с Вами разговор по этому поводу, но работа над текстом навела меня на ряд новых соображений. В целом ряде случаев оказалось положительно необходимым отступать от принятого теперь правописания. Так, напр<имер>, Пушкин, вероятно, не стал бы рифмовать «печальной — дальней», если бы последнее слово писал «дальний», или «злато — богатой», если бы писал «богатый»; точно так же рифма «унылой — милой» лучше, чем «унылый — милый» (рукописи начала века показывают, что в «милой» окончание так и звучало, м<ожет> б<ыть>, по аналогии с «милóй» или общепотребительным тогда «экóй»). В слове «щастье» самое правописание защищает от современного «интеллигентского» говора, подражающего печатному «с-частье». Наконец, Вы сами указываете, что «воксал» не то же, что наш «вокзал». Но, признав необходимость сохранить определенные черты старого правописания, я захотел быть систематичным и решил вообще воспроизвести орфографию моих первоисточников. Так я пришел к своему решению, которое, конечно, прежде всего крайне затруднительно для самого меня, так как требует крайней внимательности в правке корректур.

Теперь, после Вашего письма, после определенно выраженного Вами желания перейти к современному (условно принятому) правописанию, а также ввиду общих принципов Вашей «Библиотеки», — я от своего решения *отказываюсь*. Добавлю, что это значительно облегчит мою задачу и по выработке текста, и по чтению корректур. Но я думаю все-таки, что некоторые черты правописания пушкинского времени сохранить необходимо, только теперь я буду это делать не на основании того, как данное слово написано или напечатано в первоисточнике, а на основании общих принципов. Так, я думаю, следует сохранить написание «щастье», все же несколько меняющее звук слова (притом и в тех стихах Пушкина, где в первоисточнике, напр<имер>, у Анненкова, стоит форма «счастье»); следует сохранить почти единственно употреблявшуюся Пушкиным форму «тма», характерную для него; следует сохранить в *рифмах* окончание прилагательных м<ужского> р<ода> на «ой» (тем более, что и Пушкин употреблял формы на «ой» и на «ый» безразлично, в зависимости от рифмы); следует оставить и «воксал». Все остальное я переложу на современное правописание. <Сверху чернилами: NB. А следует ли оставить форму «скрып»>

Конечно, такое правописание не будет ни орфографией пушкинского времени, ни современной, но по крайней мере сохранит все существенное из пушкинского правописания. Затруднением, с которым я еще не знаю, как быть, остается окончание прилагательных м<ужского> р<ода> в род<ительном> п<адеже>: Пушкин знал только формы на «аго», а когда надо было рифмовать, напр<имер>, с «снова», писал в окончании «ова» — «земнова». Жду от Вас решения, должно ли мне в таких случаях писать «земнаго», «земного» или «земнова». — Впрочем, можно стать еще на одну точку зрения, так сказать, радикальную, и просто все тексты выдерживать строго по «гrotовскому» правописанию, как это и сделано в некоторых изданиях. Боюсь, что при таком решении некоторые оттенки пушкинского стиха поблекнут. Но если такова будет Ваша воля, я ей противоречить не буду, так как это все же будет вполне систематично.

В возвращаемых Вам листах я сделал указания на увеличение пробелов между некоторыми стихотворениями. Разделов между строфами я не сделал, так как Ваше письмо меня на это не уполномочивало. В первых 2 листах я только один раз отступил от этого правила, в стихотв<орении> «Пирующие студенты», о чем Вам писал раньше.

В клан-титлах я думаю ставить слева одно слово «Лирика», общее для первых 2 томов, или, если Вы это предпочитаете, слова — «Лирика 1812–1823 г.», потому что

1 тому, как теперь выяснилось, придется обнять именно этот промежуток времени; справа — «Лицейские стихи» с точным указанием года: «1814», «1815», «1816» и т. д.

Цифры стихов гораздо удобнее вести от начала стихотворения, чем от начала страницы. Вы с этим соглашались в предыдущем письме, и согласно с этим я сделал разметки.

Очень прошу сохранить курсив, а не заменять его разрядкой: сам Пушкин в стихах употреблял именно курсив. К тому же ваш курсив выбран очень удачно и по типу не противоречит основному шрифту.

Сердечно Вам преданный
Валерий Брюсов.

Vide post scriptum.

Post scriptum.

После подробного обследования материала я убедился, что удобнее было бы вместить сочинения Пушкина в девять, а не в восемь томов. Распределение материала получилось бы гораздо более систематическое. Но ввиду того, что издательство уже объявило о 8 томах и что переплеты для лишнего тома составляют определенную стоимость, я не решаюсь просить о изменении первоначального плана. Вместить всего Пушкина в 8 томов можно (пример — издание «Просвещения»), но два заключительных тома по необходимости будут несколько объемистее других. На всякий случай привожу возможное распределение материала по 9 томам:

Том 1. Лирика 1812–1823 г.

— 2. Лирика 1824–1837 г. Французские стихи Пушкина. Песни, записанные Пушкиным.

— 3. Поэмы, сказки, повести в стихах. I.

— 4. То же. II

— 5. Драмы (в стихах и прозе)

— 6. Повести (в прозе)

— 7. Статьи.

— 8. Исторические сочинения.

— 9. Письма.

Машинопись, подпись — автограф. Приводим также черновик этого письма:

13 января 1913 <года>

Многоуважаемый
Евгений Васильевич!

Не случайно и не необдуманно я пришел к тяжелому решению сохранять в издании Пушкина орфографию первоисточника (не Пушкина). Во многих случаях такое сохранение мне казалось неизбежным. Так, напр<имер>, рифма «печальной — дальней» лучше, чем «печальной — дальний», «унылой — милой» лучше, чем «унылой — милый» (и Пушкин, вероятно, выговаривал именно «милой» по аналогии с «милóй» и с неизбежным в начале прошлого века «экой»); далее, как Вы сами указываете, «воксал» нечто иное, чем современный «вокзал» и т. д. Но, видя необходимость сохранять определенные черты правописания старого времени, я захотел быть систематичным и решил вообще воспроизвести орфографию моих первоисточников. Теперь, ввиду Вашего определенного желания и ввиду общих принципов Вашей «Библиотеки» я от такого своего решения *отказываюсь* и перехожу к современному (условно принятому) правописанию, которое, кстати сказать, я знаю вполне твердо. Добавлю, что это значительно *облегчает* мою задачу, потому что главная трудность корректирования и состояла в том, чтобы добиться от типографии необычного для нее правописания. Но я прошу позволения быть и в этом случае систематичным. Тогда уже все долж-

но быть переложено на современное правописание. Я уничтожаю «ужь», «мечь», «изчезла», но уничтожаю и окончание прилагательных м<ужского> р<ода> на «ой» (тем более, что и сам Пушкин безразлично пользовался формами на «ой» и на «ый»), уничтожаю «щастье» (так как Пушкин, вероятно, выговаривал это слово так же, как и мы), и даже «Тоскаръ» вместо «Тоскар» <так!> (потому что из рифм с «жар», «пар» видно, что Пушкин произносил «Тоскар»). Исключения из этого правила я буду допускать только в самых редких случаях, в тех двух, о которых Вы пишете, и в некоторых рифмах, напр<имер>, в указанных выше: «печальной — дальней», но все же не буду писать «земнова», так как произношение формы «земного» (кажется, Пушкину неизвестной) дает достаточную рифму. — Извиняюсь, однако, за то, что такая перемена орфографии потребует новой корректуры двух первых листов.

В возвращенных Вам листах я сделал указания на увеличение пробелов между некоторыми стихотворениями. Разделов между строфами я не сделал, так как Ваше письмо меня на это не уполномочивало. В первых 2 листах я только один раз отступил от этого правила, в стихотв<орении> «Пирующие студенты», о чем Вам писал раньше.

В клан-титлах я думаю ставить слева одно слово «Лирика», общее для двух первых томов, или же в 1 томе (если Вы предпочитаете) слова «Лирика 1812–1823 г.», потому что 1 тому придется обнять, как теперь выяснилось, именно этот промежуток времени; справа «Лицейские стихи» с точным указанием года: «1814, 1815, 1816» и т. д.

Цифры стихов бесконечно удобнее вести от начала стихотворения, чем от начала страницы. Вы с этим соглашались в предыдущем письме, и согласно с этим я и сделал разметки.

Очень прошу сохранить курсив и не заменять его разрядкой: сам Пушкин в своих стихах употреблял именно курсив. К тому же в Вашем шрифте курсив подобран очень удачно и по типу не противоречит основному шрифту.

Мне остается сделать печальное замечание: Я убедился, после подробного выяснения материала, что удобнее было бы вместить сочинения Пушкина в девять, а не восемь томов. Это дало бы гораздо более систематическое распределение материала. Но ввиду того, что издательство уже объявило о 8 томах и что переплеты для лишнего тома составляют определенную стоимость, я не решаюсь просить о изменении первоначального плана. Во всяком случае вместить всего Пушкина в 8 томов возможно, как то показывает пример издательства «Просвещение». Только два заключительных тома будут сравнительно объемисты. На всякий случай привожу возможное распределение материала в 9 томах:

Том 1. Лирика 1812–1823 г.

— 2. — 1824–1837 г. Французские стихи Пушкина. Песни, записанные Пушкиным.

— 3. Поэмы I.

— 4. — II.

— 5. Драмы.

— 6. Повести.

— 7. Статьи.

— 8. Исторические сочинения.

— 9. Письма.

Но, кажется, теперь мечтать об этом уже поздно!

Сердечно Вам преданный
Валерий Брюсов.

Машинопись. Последние 2 строки от руки.

50

Брюсов — Аничкову

<15 января 1913 года; Москва>

15, I, 13

Многоуважаемый

Евгений Васильевич!

По-прежнему я очень жду *верстки* первых корректур Пушкина. Сообразно с внешним видом листов я должен сделать некоторые изменения в дальнейшем материале (разделение стихотв<орений> на строфы etc.). У меня вполне готовы годы 1815 и 1816, и я их Вам вышлю тотчас, как получу первые листы сверстанными. Примечания заново переделываю согласно с Вашими указаниями, т. е. варианты ставлю отдельно, а собственно примечаниям придаю другую форму. — Я всегда знал, что издание Пушкина — дело трудное. Но, сознаюсь Вам, что если бы я предвидел, в какой мере это трудно, сложно и кропотливо, я никогда не взялся бы за него. Но *alea iacta est*, и я свой труд продолжаю. Труднейшее — в начале, дальше будет легче.

Ваш Валерий Брюсов

Опубл.: Лит. наследство. Т. 85. С. 675.

Открытка. Штемпель Брюсова. Автограф. Штемпели: Москва 15.1.13, Санкт-Петербург 16.1.13. На Каменный Остров 47.

51

Аничков — Брюсову

<8 сентября 1913 года; Жданки>

Ус<адьба> Жданки

Г. Боровичи Новг<ородской> губ.

Через несколько дней:

СПб. Каменный Остров 47

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Виноват перед Вами, что не ответил Вам на Вашу последнюю открытку. Но как раз когда получил ее, стряслась вся эта катавасия с «Деятелем». Поехал в Питер разобратся, и теперь могу обсудить с Вами положение вещей.

Дело обстоит так. В «Деятеле» сидело два прикащика, один — Цер, другой — Дик. Последний интриговал против первого, для чего представил своим хозяевам, как плохо, медленно, дорого и пр. ведется дело «Библиотеки русских писателей». Цера прогнали, и тогда победитель Дик стал смотреть более благосклонно на «Библ<иотеку> русск<их> пис<ателей>», но в это время Ефрон тоже сынтриговал и уверяет, что у него готовы Пушкин и Лермонтов. Я этому не верю и смотрю на заявление Ефрона как на ход, направленный к *обеспечению* своих будущих изданий. Но контракт, по которому Деятель=Культура должны распространять его произведения, кончается через 2 года. Значит, аргументация «Деятеля», что он принужден прекратить издание Лермонтова и Пушкина, никуда не годится. Это прекращение «Деятелю» *невыгодно*. Убедившись в этом, я понял, что деньгами Мейера его представители пользуются во все не всегда в пользу ему.

Что же делать?

Пока я решил снестись с самим Мейером.¹ Возможно, что мне удастся убедить его. Тогда Вам и Лернеру останется лишь искать судом убытки. Однако возможно и то, что

игра еще не проиграна. Значит, потерпите еще несколько недель и, если можете, не бросайте работы над Пушкиным.

Сердечно преданный Вам

Е. Аничков.

Штемпели: 7.9.13 Боровичи Новг.; 8.9.13. Москва. На Мещанскую.

¹ Неустановленное лицо. Возможно, немецкий книгоиздатель Meyer.

52

Аничков — Брюсову

<15 сентября 1913 года; Жданки>

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич

Не вините меня, что я способствовал Вашему стремлению иметь «своего Пушкина». Если теперь не вышло как мы предполагали, причина этому лежит вне нас с Вами, хотя главная все-таки запоздание.

Теперь я все узнал доподлинно и могу сообщить Вам, как обстоит дело и что я предпринял, т. е. отчего просил Вас обождать.

В «Деятеле» сидело два поверенных, один — Цер, другой — Дик. Оба простые прикащики. Дик подсел Церу, и этого последнего уже больше нет. Мотивировал свои интриги против Цера (человека более доброкачественного) Дик медленностью и дороговизной «Библ<иотеки> русск<их> пис<ателей>». Этими внутренними отношениями воспользовался Ефрон. У него есть контракт с «Культурой=Деятелем», согласно которому 2 ½ г. эта фирма должна продавать его издания. Ему, конечно, выгодно, чтобы наша «Библ<иотека> русск<их> пис<ателей>» не существовала вовсе, а он на себе <?> создал ей эквивалент. При этом Пушкин и Лермонтов, разумеется, в первую голову. Для этого он купил Лермонтова под ред. Пиксанова, еще только что начатого одной московской фирмой, может быть, им же и организованной, и объявил, что у него есть еще и Пушкин, и эти оба издания заканчиваются. Это ложь, которую принял — сознательно или бессознательно, не знаю — Дик. На этом основании Дик приостановил Вас и Лернера. Что Пушкина у Ефрона нет вовсе и что издание Лермонтова только что еще начинается — я теперь знаю документально и об этом написал самому Мейеру в Лейпциг. Жду, что будет. Я могу доказать Мейеру, что его прикащики работают в угоду Ефрону. Делаю это, конечно, с открытым забралом. Думаю, что они уже теперь приперты к стене. Оттого-то они хотят *закупить Ваш материал по Пушкину*.

Вот все. Мне очень бы хотелось, чтобы Вы еще недельки две подождали ликвидировать дело. Мне принципиально ужасно жаль созданной мною с такой любовью «Библ<иотеки> русск<их> пис<ателей>». Могу также прибавить то, чем и Вы заканчиваете Ваше письмо: лучше быть шахермахером. За добросовестность услышите только — «не сумел».

Сердечно Ваш Е. Аничков.

Штемпели: СПб. 15.9.13; Москва 17.9.13. На Мещанскую.

1

Бланк: Русское Книжное Т<оварищест>во «Деятель»
С.-Петербург, Троицкая 26.
Телеф<он> 486-46. Адрес для телегр<амм> Деятель, Петербург
<Дублируется по-немецки>

С.-Петербург, 8-го марта 1913 г.
Господину
В. Я. Брюсову.
Москва.

М<илостивый> Г<осударь>.

У Вас с 22-го февраля находится 3-я корр<ектура> листов 1–2 ПУШКИНА: очень просили бы Вас поторопиться с подписью их.

Примите уверение в совершенном почтении
<штемпель:> Русское книжное т<оварищест>во «Деятель»
Доверенный <подпись> <К. Цер?>

2

Бланк: Русское Книжное Т<оварищест>во «Деятель»
С.-Петербург, Троицкая 26.
Телеф<он> 486-46. Адрес для телегр<амм> Деятель, Петербург

19 апреля 1913 г.

М<илостивый> Г<осударь>.

У Вас с 23-го и 27-го марта 2-я корр<ектура> 3 и 4 листов ПУШКИНА. Будьте любезны поторопиться с возвратом их нам.

Пользуясь случаем не можем не выразить пожелания получать от Вас впредь материал *регулярнее и скорее*. <Подчеркнуто красным>

Примите уверение в совершенном почтении и уважении
<штемпель:> Русское книжное т<оварищест>во «Деятель»
Доверенный <подпись> <К. Цер?>

Русское книжное т<оварищест>во
«Деятель»
СПБ., Невский проспект № 28.
Адр<ес> для телегр<амм>: Деятель Петербург
Телефон № 426-75

3

С.-Петербург, 14 августа 1913 г.

М<илостивый> Г<осударь>.

Честь имеем сообщить Вам, что г. К. Ю. Цер, д-р М. Э. Кох и г. Юргенс у нас на службе больше не состоят.

Поэтому покорнейше просим всю корреспонденцию, касающуюся дел Т<оварищест>ва «Деятель», адресовать *исключительно* на имя

Русского Книжного Т<оварищест>ва «Деятель», С.-Петербург, а именно пока по адресу *Троицкая ул. № 26*, а с конца августа с. г. — по адресу *Невский пр. д. К-о Зингер № 28*, куда будет переведена редакция Т<оварищест>ва «Деятель».

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Русское Книжное Т<оварищест>во «Деятель»

А. Борнмюллер

4

С.-Петербург, 23 августа 1913 г.

Господину Вал<ерию> Яковл<евичу> БРЮСОВУ

г. МОСКВА

Милостивый Государь.

Вам, может быть, известно, что издательство Брокгауз <-> Ефрон, с которым мы, как его главные представители, очень тесно связаны, в скором времени выпускает *дешевое издание Пушкина*.

Так как мы с нашим изданием значительно запоздали и в силу договора с Брокгауз-Ефроном должны распространять их издание, то у нас возник вопрос об отложении дальнейшей работы по изданию Пушкина на неопределенное время, удовлетворив Вас, Милостивый Государь, за уже выполненную работу.

Мы поэтому обратились к Евг<ению> Вас<ильевичу> Аничкову с просьбою сообщить нам условленные Вами с ним *точные* сроки доставки Вами всего матерьяла, — главным образом предисловий, вариантов и проч. — так как мы в зависимости от этого хотим окончательно решить этот вопрос. Не получив от него до сих пор ответа, мы обращаемся к Вам с просьбою сообщить нам по возможности немедленно эти сроки.

До получения от Вас или от проф<ессора> Аничкова точного ответа мы приостановим дальнейший набор сочинений Пушкина.

Примите уверения в совершенном почтении

<тот же штемпель с подписью Ф. Дик?>

Редакция Т<оварищест>ва «Деятель» переведена на *Невский пр. д. № 28*.

5

С.-Петербург, 7 сентября 1913 г.

Господину В. Брюсову

Милостивый Государь.

В ответ на Ваши письма от 26/VIII и 6-го с. м. честь имеем сообщить, что согласно срокам, указанным Вами, наше издание Пушкина вышло бы приблизительно на 1 год позже, чем Брокгауз-Ефрон предполагает выпустить свое, почти однородное, издание.

Мы поэтому, к нашему искреннему сожалению, принуждены пока прекратить издание Пушкина, во всяком случае до окончания договора с Брокгауз-Ефроном, оставив за собою возможность возобновить издание на прежних с Вами условиях.

Покорнейше просим указать нам ту сумму, которая Вам, по Вашему расчету, следует за уже произведенную Вами работу, и прислать нам все материалы по изданию Пушкина, которые мы еще надеемся дать Вам возможность использовать с возобновлением издания.

Примите уверения в совершенном почтении и уважении

<Та же подпись; первая дата — карандашом>